

ОЛЕГ ШОВКУНЕНКО

ОРУЖЕЙНИК

БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Шовкуненко

**Оружейник. Книга
вторая. Бой без правил**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Шовкуненко О.

Оружейник. Книга вторая. Бой без правил / О. Шовкуненко —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

Перед полковником Ветровым стоит непростая задача: ни много ни мало, а спасти стремительно погибающее человечество. Как это сделать? Куда идти? Кто отправится вместе с ним в этот полный опасностей поход? Пока полковник ищет ответы на эти вопросы, вокруг него начинают происходить странные зловещие события. Его миссии явно стараются помешать. Все указывает на то, что за обладание планетой Земля борются не только люди. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Я сидел прямо на полу. Только лишь подпихнул под себя жесткую, выломанную с мясом сидушку, а то ко всем «прелестям» жизни не хватало еще добавить геморрой или того хуже простатит. Несколько раз пробовал уместить задницу на более подходящее местечко. Это было совсем несложно, так как стульев и легких пластиковых кресел вокруг валялось предостаточно. Да только вот беда, на них я моментально засыпал. И даже не в том проблема, что засыпал, а в том, что уж очень крепко засыпал. После того как пару раз довелось спикировать на пол и хорошенько хрястнуться башкой о «мягкий» ковер из грязного бетона, от дальнейших экспериментов пришлось отказаться.

Вдруг по соседству, в углу, где были свалены старые изувеченные стулья и столы что-то негромко зашуршало. Я тут же повернул голову и поглядел в темноту. Свет от стоящей рядом керосиновой лампы не мог соперничать с густым сумраком заброшенного бомбоубежища и пробиться дальше нескольких шагов. Так что зрение оказалось не приделах и его пришлось компенсировать вялым, под стать всему моему состоянию, мозговым штурмом.

Кто бы это мог быть? Слизняк? Нет, слизняки передвигаются медленно и плавно, словно сползающая по стене здоровенная темно-бурая капля слегка подсохшего столярного клея. Тогда может циклоп, маленький трехногий краб, на панцире которого имелся странный нарост, своим видом очень напоминающий выпученный человеческий глаз? Припоминая как проворно, но вместе с тем очень осторожно ползают эти мерзкие кровососы, я отрицательно покачал головой. Повадки совсем не как у циклопов. Мое одиночество решил скрасить кто-то более наглый и бесцеремонный, не страшщийся человеческого присутствия. Цирк-зоопарк, кто же это мог быть?

Именно в этот момент я и услышал новые звуки. Ко все незатихающему шуршанию добавилось тоненькое попискивание, а затем и едва слышный цокот маленьких коготков, быстро-быстро барабанивших по бетонному полу. Крыса! Цирк-зоопарк, это же наша обычная земная крыса!

Открытие мигом повлекло за собой соответствующую реакцию организма. Я чуть не захлебнулся слюной, а брюхо скрутили жуткие голодные колики. И это только лишь при одном кратком, можно даже сказать мимолетном воспоминании о жаренном крысином мясе. Да... крысятинка! Это вам ни какая-то инопланетная дичь, вечно смердящая аммиаком или тухлыми рыбьими потрохами, это то самое мясо, вкус которого желает вновь почувствовать каждый из уцелевших жителей нашей планеты, а в особенности та их часть, которая последние сутки перебивалась лишь несколькими заплесневевшими сухарями.

Чувство прямо таки зверского нестерпимого голода, сдобренное охотничьим инстинктом, боролось во мне со здравым смыслом. Ну, скажите на милость, какие шансы имелись у меня, раненного и обессиленного, на то, чтобы поймать юркого и осторожного зверька? Да практически нулевые! Правда, это если глядеть на проблему с колокольни обычного, закостенелого в своем мышлении обывателя. На самом же деле сегодня крыса повстречала совсем иного противника – полковника Российской Армии Максима Григорьевича Ветрова, хитрого и находчивого оружейника.

От слова «оружейник» ниточка рассуждений сама собой протянулась к автомату Калашникова, который лежал рядом на полу. Подстрелить голубушку и на вертел! План не мудреный и, в общем-то, легко выполнимый, вот только имеется одно маленькое «но»... Попасть в крысу я должен с первого выстрела, иначе потом ищи-свищи ее. Стрелок я в принципе неплохой, да только руки сейчас слабые, глаз мутный, да и вдобавок ко всему темно тут. Так что шансы обзавестись завтраком тире ужином примерно один к десяти, и притом совсем не в мою пользу. Хотя возможно существует и другой выход? Какая-нибудь хитрость или ловушка?

Пока я раздумывал, дичь вконец обнаглела. Под грудями битой мебели она явно обнаружила что-то пригодное в пищу и теперь, будто издеваясь надо мной, хрумтела и чмокала, запихиваясь этим деликатесом. Или это мне так показалось, с голодухи-то?

Как бы там ни было, крыса оставалась моей единственной возможностью утолить дикий голод, и я не должен был ее упустить. Вот только как это сделать? Ответ возник в моем мозгу словно яркая вспышка. Если боишься промазать мимо цели, то сделай так, чтобы промах стал невозможен. Сократи расстояние, а уж затем бей наверняка.

Я попытался унять нервную дрожь в пальцах и, следуя ниспосланной свыше инструкции, поднял Калаш, тихо снял его с предохранителя и перевел на автоматический огонь. Все-таки на одиночный выстрел надеяться не приходилось, а вот очередь... Кто знает, может хоть одна из пуль все же настигнет свою цель.

На счастье автомат был взведен, и пугать мою гостью громким щелчком затворной рамы не пришлось. Это хорошо. У крысы будет больше доверия к тому фантастически вкусному лакомству, которым с ней собирался поделиться щедрый полковник Ветров.

Я запустил руку в карман и добыл оттуда последний, самый заплесневелый сухарь, мудро припасенный на крайний, вконец уж безвыходный случай. Положив сухарь на пол, стал стволом автомата подталкивать его к убежищу, в котором скрывалась моя потенциальная жертва. Когда до груды битой мебели оставалось не более полуметра, пришлось остановиться. Сухарь находился на краю освещенного участка, АКС лежал рядом, практически утыкаясь в него дульным тормоз-компенсатором. Ловушка готова. С расстояния в пару сантиметров я уж как-нибудь не промажу.

Мои действия не остались незамеченными. Тихий срежет, с которым Калашников полз по бетону, спугнул зверька, заставил его прекратить возню и затаиться. Только бы не сбежал! Крыса не сбежала. В одной из чернильно-черных нор, образованных деталями старой мебели, мелькнули два светящихся, крохотных как бисеринки глаза.

Крыса очень долго разглядывала меня, не решаясь выбраться из своего убежища. А быть может, это я себе льстил? Может объектом внимания зверька был тот аппетитный сухарь, который лежал между нами? Очень на то надеюсь.

– Ну, давай, чего же ты медлишь? – одними губами прошептал я, обращаясь скорее к самому себе, чем к своей жертве. – Ведь вкусно же... Ах как вкусно!

Словно поддавшись внушению, крыса двинулась к приманке. Всего через пару секунд я уже мог разглядеть ее высунувшуюся на свет тушку. Большая... сантиметров двадцать в длину.

– М-м-м... – я замычал от вожделения. Если как следует приготовить с солью и перчиком, пальчики оближешь.

Тот самый палец, который я и собирался облизывать, напрягся, готовый вот-вот надавить на спусковой крючок. Но я приказал себе держаться и ждать, когда дичь вплотную подберется к приманке. Вот тогда-то...

Нервы у крысы оказались куда слабее моих. Приблизившись к пище, почувствовав ее запах, она громко взвизгнула и буквально прыгнула на затертый по карманам, похожий на обмылок сухарь.

Наконец-то! – мысленно воскликнул я. – Попалась родимая!

Меня уже ничто не сдерживало. Я чувствовал себя победителем. Разум человека, как и полагается, торжествовал над разумом животного, над разумом чужих. И это символично. Так было, есть и будет. Будет! Именно на этом слове я и нажал на спуск.

Короткая очередь прогрохотала под сводами старого бомбоубежища. От вспышек выстрелов я на секунду ослеп. Когда же грохот стих, а зрение восстановилось, я глянул на пол и от удивления открыл рот. Ни сухаря, ни крысы. Одни лишь дымящиеся стреляные гильзы.

– Цирк-зоопарк, куда же все поде...

Я так и не закончил фразы. Взгляд упал на противоположную стену. Там мелкими, влажными капельками поблескивало небольшое красное пятно, по которому лениво сползали грязные клочки серой шерсти.

– Твою мать... – протянул я задумчиво. – Человек, ты в очередной раз перехитрил всех, в том числе и самого себя.

Пустой желудок всегда и везде располагал к философствованию. Именно этому занятию я и предавался, пока не расслышал гулкий топот частых шагов. Люди приближались бегом, на ходу взводя оружие. Неужели их кто-то преследует? Или...

Я быстренько опер АКС о стену и, сложив руки на груди, уселся так, чтобы всем своим видом продемонстрировать невозмутимость и полный контроль над ситуацией, причем такой, при котором не требуется даже оружие.

Первым в зал ворвался Леший. Мой приятель поводит стволом Калаша из стороны в сторону, готовый в любое мгновение открыть огонь.

– Все нормально, – произнес я ровным, даже с некоторой ленцой голосом.

– Кто стрелял? – Леший немного успокоился, но все же не настолько, чтобы опустить оружие.

– Ну, я стрелял... Кто же еще? – пришлось разыграть недоумение, вызванное таким дурацким вопросом.

– Какого рожна, Максим?!

– Прикончил паразита, – я взглядом указал на кровавое пятно на противоположной стене. – Совсем от рук отбились гады.

Леший посветил фонариком в указанном направлении. Опустил луч на пол, где обнаружили клочок шерсти и длинный тонкий хвост.

– Крыска... – мечтательно произнес кто-то стоящий за спиной у Лешего. По-моему, это был Сергей Чаусов, здоровенный морской пехотинец, моя, так сказать, надежда и опора. Опора в прямом смысле этого слова. Именно Сергей чаще всего таскал раненого полковника Ветрова на своем горбу.

Слова морпеха, вернее тот мечтательный тон, с которым они были произнесены, вновь напомнили о голоде:

– Пожрать чего-нибудь принесли? – без всяких предисловий поинтересовался я.

– Порядок, – Леший обнадеживающе подмигнул. – Попрыгунчика подстрелили. Здоровенный попался. Всей нашей компании мяса на целый день хватит.

Пожалуй только теперь мой приятель расслабился. Он махнул своим людям, и те вошли в зал. Было их трое, Леший четвертый. Все угрюмые и усталые, припорошенные серой пылью и таким же серым унынием.

– Как там остальные? – я попытался спросить так, чтобы голос прозвучал ровно и не выдал моих чувств, моего волнения.

– Успокойся, с ней все в порядке, – Леший не стал деликатничать, он прекрасно понял, что или вернее кто именно меня интересуется.

– Ночь скоро.

– Нам удалось отыскать надежное укрытие. Они смогут в безопасности переночевать.

– Точно надежное?

– Не хуже этого, – заверил Леший. – Гарантирую.

– Тебе верю.

Словам подполковника ФСБ, опытного разведчика Андрея Кирилловича Загребельного действительно можно было верить, и я почувствовал, как в душу приходит благословенный покой. Еще бы утихомирить этот проклятуший голод!

Леший как будто прочел мои мысли. Он извлек из своего вещмешка целлофановый пакет, внутри которого виднелся небольшой бумажный сверток. На бумаге обильно проступали многообещающие жирные пятна.

– На вот... ешь, – целлофан зашуршал у меня перед носом, и от него пахло дурманящим запахом пищи. – Она жарила. Специальное блюдо для раненых танкистов.

Дрожащими руками я взял пакет, разорвал его и вытянул пластинки еще теплого мяса. Они были завернуты в листки в клеточку, вырванные из старой ученической тетради. Попрыгунчика доводилось есть много раз. Мясо не ахти какое, жилистое и безвкусное. Однако, эти куски... они особенные. Их готовила Лиза, готовила специально для меня.

Я впился зубами в коричневатый и морщинистый, словно кусок дубовой коры, ломоть мяса, откусил и стал энергично пережевывать. Черт побери, как вкусно! И дело совсем не в том, что я голоден как кентавр. Лиза действительно сотворила маленькое кулинарное чудо.

Наблюдая за тем, как я жадно запихиваюсь, Леший прыснул:

– Не знал, что ты такой прожорливый.

От этих слов кусок стал поперек горла. Я медленно поднял голову и пристально поглядел на приятеля.

– Андрюха, а сами-то вы ели?

– Некогда было.

– Чтоб меня...

Я обвел виноватым взглядом бойцов, которые расселись рядом. Все они пытались попасть в круг света, создаваемый коптящей керосиновой лампой.

– Налетай, мужики, – я протянул им бумажный сверток с едой.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ полковник, – улыбнулся мне черноволосый парень с азиатскими чертами лица, по-моему, его звали Мурат. – Мы о себе тоже не забыли.

Слова Мурата сработали как команда: «Приступить к принятию пищи!», которую все вновь прибывшие выполнили с превеликим удовольствием. На свет сразу же появились котелки, каждый из которых где-то наполовину был заполнен жареным гуляшом. Больших кусков в пайках видно не было, и это сразу бросилось в глаза. Видать вырезка досталась только одному мне. Поняв это, я смутился, замешкался. Как поступить? Ведь невозможно с каменной рожей жрать мякоть, когда другие давятся едва поддающимися пережевыванию обрезками.

– Не парься, Максим, – Загребельный успокаивающе потрепал меня по плечу. – Мякоти у попрыгунчика, сам знаешь, раз-два и обчелся. Поэтому общим решением она и была передана в полное твое распоряжение. Так что, приятного аппетита.

– Тоже еще, нашли калеку! – фыркнул я. Хотя, если честно говорить, от такой заботы в груди разлилось сладкое тепло, словно от стакана горячего глинтвейна.

– Калека он и есть калека, – без стеснения рубанул правду-матку Леший.

– Мне уже полегчало, – я сурово зыркнул на приятеля.

– Полегчало ему, – подполковник хмыкнул. – Ври больше, отбивная несчастная! Еще вчера на ногах не стоял, а сегодня уже...

Я не дал Загребельному договорить. Отложил в сторону свой надкушенный кусок и, цепляясь за стену, стал подниматься с пола.

– Э-э-э... Хорош дурака валять! Будет тебе, я сказал!

Андрей протянул ко мне руку, чтобы поддержать, но я решительно отверг эту помощь.

– Сам справлюсь. Не мешай.

Хотя сломанные ребра продолжали надсадно болеть, но ссадин и гематом я уже не чувствовал. Жар прошел, рваная рана на ноге, ранее грозившая мне гангренгой, не гноилась и не кровила. А часа два назад я обнаружил, что из мочи ушла кровь. Честно говоря, чудеса! Хотя как я теперь стал догадываться, чудес в мире не бывает. Каждое чудо имеет свое вполне логическое объяснение, своего заказчика и исполнителя.

Поднявшись на ноги, я все же не удержался от соблазна и оперся спиной о бетонную стену. Это было маленькое отступление, которое, на мой взгляд, никак не могло подпортить ощущение от общей победы.

– Ну и как вам это? – я обвел взглядом сидевших вокруг бойцов.

– Так ты, братец, симулянт, – с наигранным возмущением воскликнул Леший. – И не стыдно перед Сергеем? – он тут же кивнул в сторону улыбающегося морпеха.

– Тело восстанавливается. Само, без медикаментов, и причем быстро, невероятно быстро.

Я произнес это очень серьезно, испытываясь глядя в прищуренные глаза подполковника ФСБ. Я надеялся, что мои слова его заинтересуют. Так оно и вышло. Загребельный сразу все понял.

– Ладно... Раз такое дело, то давай отойдем... поговорим.

Разговор мы продолжили в одной из соседних комнат. Там было пусто и тихо. Любой звук, пусть даже шорох, порождал зловещее, шипящее как ядовитая змея эхо. Пошарив лучом фонарика, Леший обнаружил старую, прорытую аудиоколонку. Большую... ватт на двести. Он усадил меня на нее, а сам расположился рядом на полу. Когда мы покидали зал, в котором продолжали пировать члены нашей группы, Загребельный захватил с собой не только автомат, но и вещмешок. Мотив этого поступка стал ясен лишь теперь.

– Подсвети, – Андрюха передал мне фонарик, а сам стал рыться в своих пожитках.

– Что ты там потерял? – я направил луч точно на руки приятеля.

– У нас тут дармовой источник света, – с этими словами Загребельный вытянул из вещмешка уже знакомый мне клетчатый узелок.

Как только Леший развязал его, перед нашими глазами засиял маленький ледяной костер. Горка круглых размером с крупный лесной орех кристаллов светилась мутным голубоватым светом. Возможно свечение, исходящее из недр кристаллов, было бы более чистым и ярким, не гасясь оно фильтром из бесчисленных царапин и сколов, которые словно скорлупа покрывали всю поверхность искусственных самоцветов.

– И вправду, – я протянул руку и потрогал едва ощутимо вибрирующие чудо-камни, созданные технологией всемогущих ханхов. – Совсем о них позабыл.

– Пока иного применения этому добру не нашлось, пусть хоть светит, – Андрей тут же выключил свой фонарь.

– Жаль, еду не прихватили, – задумчиво протянул я, уставившись на голубые огоньки. – Можно было бы разговаривать и одновременно жевать.

– Ты можешь думать о чем-нибудь кроме жратвы?! – возмутился Леший.

– Могу, но с напрягом, – сознался я. – Похоже, мой организм активно восстанавливается, и для этого ему позарез необходима энергия.

Загребельный внимательно поглядел на меня, а затем с усталым вздохом поднялся на ноги.

– Жди. Сейчас принесу. – С этими словами подполковник поплелся к выходу.

– Спасибо, Андрюха, – я выкрикнул вслед другу слова искренней благодарности.

Оставшись один, я вновь уставился на холмик из сияющих кристаллов. Сделал я это не только, вернее не столько потому, что в смолянисто-черной темноте старого бомбоубежища больше не на что было глядеть, а потому, что голубые огоньки каким-то невероятным образом растормаживали, заставляли мозг работать, воскрешали воспоминания. Возможно все это весьма и весьма субъективно, возможно мне просто надо было за что-то зацепиться, найти ту самую точку опоры, которая и позволит перевернуть весь мир... мир моих знаний, убеждений, надежд.

Кстати, его уже переворачивали неоднократно. Первый раз это произошло в конце девяносто первого года, когда огромная крепость, именуемая великим и могучим Советским Сою-

зом, в мгновение ока превратилась в груды мелких кирпичиков, пригодных лишь для строительства уродливых заборов, разделяющих некогда дружный и единый народ. Второй раз мир полетел в тартарары два года назад. Именно тогда на Землю пришли ханхи, и человечество погрузилось в пучину хаоса, ужаса и смерти. Да, это оказалось страшным, невиданным по мощи и разрушительности ударом, но тогда хоть все было понятно. Мы – хорошие, они – плохие. Мы стремились выжить, они – ограбить, начисто выпотрошить планету. И нам было не договориться, ни за что и никогда. Я тогда по своей наивности полагал, что чего-нибудь иного, этакое, способного затмить экспансию ханхов, уже никогда не произойдет. Но, как выяснилось, ошибся. Вчерашний день перечеркнул прошлое, перевернул все с ног на голову.

Приход Загребельного оторвал от воспоминаний. Подполковник сунул мне еду и уселся на прежнее место. Свой котелок Леший тоже притащил, только открывать не стал. Поставил рядом, всем своим видом демонстрируя, что еда для него сейчас не главное. Ну, это, в конце концов, его личное дело. У меня же сейчас ломка, ломоть мяса мне сейчас как доза для наркомана.

Наблюдая за тем, как я жадно терзаю сразу два куска, Леший задумчиво произнес:

– Говоришь, восстанавливаешься?

– Ага. Заживает как на собаке, даже еще быстрее, – прошамкал я с полным ртом.

– И как это прикажешь называть? Чудом что ли?

– Вообще-то до моментального чудотворного исцеления процесс слегка не дотянул, но, в общем-то, ход твоих мыслей мне нравится.

– Еще одно доказательство... – Загребельный окинул меня внимательным, оценивающим взглядом, так, будто выбирал морскую свинку на птичьем рынке.

– Доказательство чего?

– Того что мы не сошли с ума. Того что наша встреча с НИМ произошла на самом деле.

– С НИМ... – я словно попробовал это слово на вкус, и оно мне не очень понравилось. –

Мы так и будем величать ЕГО с помощью безличного местоимения?

– А как ты предлагаешь? – пожал плечами Леший. – Всевышний, Создатель, Творец? А может Иисус, Будда, Мухаммед?

– Ну, если учесть, что настоящего своего имени ОН так и не назвал... – я призадумался. – А что если Начальник?

– Замечательно! Твоему другу милиционеру очень понравится, – хохотнул Загребельный.

– Тогда Главный. Просто Главный, – я помедлил, после чего уточнил: – Нам все равно ЕГО придется как-то называть. А мне вовсе не светит прослыть конченным идиотом, услышь кто, что мы обсуждаем встречу с богом.

– Или с тем, кто он есть на самом деле, – угрюмо уточнил Леший.

– Ты прав, – мне ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

После этих слов сама собой образовалась короткая пауза. Один день это уж очень малый срок, чтобы оправиться от шока, в который нас поверг рассказ... Главного. Тут я мысленно себя похвалил. Хорошее все же имечко я ему подыскал. Нейтральное. Оно не будет смущать своим, пожалуй, уже заложенным в гены суеверным трепетом, и одновременно с этим не станет напоминать о расе, с ног до головы обгабившей себя человеческой кровью. И это правильно. Холодный разум – вот что сейчас самое главное, вот что поможет выполнить возложенную на нас миссию.

– Сейчас, наконец, появилась возможность спокойно и трезво поразмыслить над всем происходящим, – конечно же Андрюха думал о том же самом.

– Давай поразмыслим, – я прикончил первую порцию мяса и тут же приступил ко второй.

– Что такого этот конспиратор нам поведал? Что нам может помочь?

– Главный, – поправил я приятеля.

– Ладно, пускай будет Главный, – согласился подполковник ФСБ. – Так что мы узнали из его рассказа?

– Из рассказов, – уточнил я.

– Из рассказов? – Загребельный почесал затылок. – Пожалуй. У нас было две встречи. В первый раз мы не знали всей правды, но все же Главный делился кое-какой информацией. Не думаю, что тогда он лгал.

– Похоже, что не лгал, – я красноречиво покосился на сияющую горку голубых кристаллов. Ведь об их существовании мы впервые узнали именно от него... Главного, значит.

– Но все же самая интересная, самая важная часть нашего разговора эта та, что состоялась вчера, – Леший последовал моему примеру и тоже уставился на камни. Он помолчал немного, а затем, будто разговаривая сам с собой, произнес: – Не думал я, что все так...

– Не думал?! – я с жаром перебил приятеля. – Ври больше! Ты прекрасно все знал. Ты и вся твоя гребаная контора. Пока Главный рассказывал, я следил за тобой. У тебя, друг любезный, все на роже было написано.

– Вот сейчас ты на меня всех дохлых собак повесишь, – спокойно, без всякой обиды парировал Леший. Его вид, его печально-усталое спокойствие заставили меня устыдиться собственной горячности.

– Прости, Андрюха, я не то хотел сказать, – пришлось поспешно извиниться.

– Да теперь-то чего уж... – задумчиво протянул Загребельный. – После драки кулаками не машут.

– Расскажи, – попросил я. – Главный сказал, что виновниками всему этому... – тут я красноречиво обвел взглядом едва различимые в темноте стены заброшенного бомбоубежища, словно это была крошечная модель всего нашего погибающего мира, – ...что виновники мы, люди.

– Я думал над его словами, – кивнул Загребельный. – Конечно сложно сказать что бы там и как было дальше, не вмешайся ханхи, но заваруха намечалась конкретная.

– Даже так? – я удивленно приподнял бровь.

– Именно, – подполковник ФСБ тяжело вздохнул. – Когда началось вторжение, я, честно признаться, даже вздохнул с облегчением. Только борьба с внешним, общим для всех стран и народов врагом могла остановить все это безумие.

– Да говори же, черт тебя побери! – все эти хождения вокруг да около мне уже порядком начали действовать на нервы. Требовалась конкретная информация и желательно побыстрей.

– Ладно уж, слушай, – было видно, что Загребельный решился, сорвал со своей памяти печать с надписью «Совершенно секретно» и впервые поведал постороннему то, о чем был должен молчать до конца своих дней.

Глава 2

Леший задумчиво глядел на горку светящихся голубых кристаллов и медленно говорил. Казалось, что эти таинственные артефакты магическим образом контролируют его сознание, своим мерцанием задают ритм его голосу. Все это, конечно же, было не так, и магии в истории, которую излагал подполковник ФСБ, присутствовало даже меньше, чем в строевом уставе.

– На самом деле события развивались несколько иначе, чем их описывал Главный. – Вспоминая прошлое, Андрюха поморщился, словно препарировал мерзкую протухшую жабу. – Да оно и понятно. У Главного вряд ли имелась возможность распутать весь этот клубок. Чтобы понять все происходившее тогда, надо быть человеком, мыслить как человек, знать нашу суть и глубину того безумия, в которую мы готовы низвергнуть себя и весь свой мир.

Я слушал не перебивая. Хотелось верить, что Загребельный оставит без внимания морально-этическую сторону вопроса, выслушивать которую у меня, прямо сказать, не доставало сил, и обратится к фактам. Слава богу, так оно и вышло.

– С климатическим и тектоническим оружием экспериментировали давно, примерно с начала семидесятых, – продолжил мой приятель. – Кое-какие успехи были достигнуты, но постоянно возникали побочные эффекты, приносящие беды соседям. Хотя на них не очень-то обращали внимание. Ну, скажи на милость, разве какие-нибудь Филиппины или Тайвань осмелятся открыть пасть на Великий Китай? А острова Океании, как и чахлые латиноамериканские страны сидели тише воды и ниже травы, когда их трясло по воле могущественных Соединенных Штатов.

– А мы, Россия, я имею в виду?

– Ну, мы потихоньку раскачивали Среднюю Азию и гоняли облака над Уралом. Но это так... ученые баловались. На серьезные проекты им денег все равно не выделяли. У нас ведь знаешь, пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

– И когда грянул гром?

– В конце 2009-го америкозы добились серьезного прорыва в инициировании подводных землетрясений. Ими была создана мобильная подводная система «Гнев Аида». – Тут Андрюха раздраженно хмыкнул. – Знаешь, а ведь основные выкладки для нее разработал наш русский эмигрант, осевший за океаном после развала Союза. Смешно, да? Можно сказать сражаемся сами с собой.

– Не сами с собой, а со своей всегдашней глупостью и близорукостью, – поправил я.

– Можно и так сказать, – Загребельный тяжело вздохнул.

– Ты не вздыхай, а давай бухти дальше. Что там с этим твоим гневом божьим?

– Установку смонтировали на базе одной из атомных субмарин класса «Морской волк». Первые испытания прошли в южной акватории Тихого Океана. Эффект превзошел все ожидания. Два импульса – два десятибалльных землетрясения, плюс небольшое цунами. – Леший призадумался, копаясь в воспоминаниях. – Тогда наше командование поставило всех на уши. Любой ценой требовало немедленных сведений по этой разработке. Тоже самое творилось и в ГРУ.

– Ну и как, раздобыли? Что дальше-то было?

– А дальше было то, о чем даже страшно вспоминать. Дальше и началось оно – начало конца. После выполнения задания «Гнев Аида» снялся и направился на базу Мэйпорт во Флориде. Только лодка туда не дошла.

– Катастрофа? – попытался угадать я.

– Хуже. Намного хуже. Субмарина перешла под контроль так сказать третьей силы, которая ее тут же и применила. Помнишь жуткое землетрясение на Гаити? – Загребельный вопросительно поглядел мне в глаза.

– Что-то такое... очень смутно, – я наморщил лоб. Врал, конечно. В моей памяти стерлись даже малейшие упоминания о тех событиях.

– Что-то такое... – негодуяще перекинул меня Загребельный. – Я был там, и этот кошмар мучает меня до сих пор.

– До хрена людей осталось под завалами?

– До хрена наших парней осталось под водой, – с железом в голосе ответил старый чекист.

– Под водой? – мне показалось, что я ослышался. – Ты это о чем?

– «Гнев Аида» продолжал оставаться в районе Гаити, и наши спецгруппы, замаскированные под спасателей МЧС, тут же вылетели туда. Не сидели сложа руки и «спасатели» из Соединенных Штатов. Сюда же стоит добавить боевиков той самой третьей силы, а так же всех акул Карибского моря. – Леший тяжело вздохнул и продолжил: – Я помню дни, когда в заливе Гонав вода была красной. Это было самое большое, самое жестокое подводное сражение в истории человечества.

Я слушал Лешего и представлял себе сотни боевых пловцов, которые стреляли и резали друг друга, стремясь приблизиться к стометровой сигаре американской субмарины, неподвижно замершей на каменистом дне. Вместе с ними в жутком хороводе смерти кружились стаи кровожадных акул. Сперва твари охотились, вырывая людей из медленно плывущих подводных шеренг, но вскоре эта необходимость у них отпала. В заливе Гонав уже накопилось полным-полно мертвого человеческого мяса, которое можно было жрать не опасаясь выстрелов из смертоносных подводных автоматов. Но бойня продолжалась. Все новые и новые мертвецы оседали на морское дно. За трупами тянулись длинные красные шлейфы, и вечно голодные океанские хищники буквально сходили с ума, купаясь в сладкой человеческой крови.

Бр-р-р, жуть какая! Чтобы отделаться от этого ледящего кровь кошмара, пришлось интенсивно помотать головой. Андрей заметил.

– Ты чего?

– Да так... представил. – Мой аппетит куда-то вмиг испарился, и я отложил откушенный кусок. – Чем все закончилось?

– Вышибли нас. Янки открыто ввели боевые корабли и «котиков». Все якобы для поддержания порядка, борьбы с преступностью и мародерством в разоренной стране.

– А как же с подлодкой?

– Была возвращена, так сказать, законным владельцам. Мнимые террористы за нее не очень-то и боролись.

– Не понял, – я развел руками. – Почему «мнимые»? Зачем было похищать?

– Вот то-то и оно, – Леший сделал артистическую паузу, прежде чем поведать главное: – Похитили для одной-единственной акции, для того чтобы в щепки разнести Гаити.

– Гаити... – Я покопался в воспоминаниях. – Цирк-зоопарк, на кой хрен это потребовалось? В Гаити ведь сплошная нищета. Чего там валить?

– Буквально на следующий день после землетрясения весь мир начал собирать бабки. Ни до, ни после Гаити такого бешеного всплеска благотворительности не наблюдалось. А тогда все будто с ума посходили. Вот что творит грамотно построенная пропагандистская шумиха плюс настоятельные рекомендации кое-каких важных политических персон. Знаешь, Максим, порой до смешного доходило. Некоторые, в общем то совсем не богатые страны, приостанавливали свои программы господдержки основных экономических отраслей и отправляли деньги на Гаити. А все почему? Из-за океана позвонили и намекнули, что очень и очень надо помочь, – Леший интонацией выделит это «очень и очень».

– И эти деньги... – я понял куда клонит приятель.

– И эти деньги по сей день ищут, да только никак найти не могут. А сумма между прочим получилась солидная. Хватит новый остров намыть, а на нем не то что Гаити, Монте-Карло

построить можно. – Тут Загребельный невесело ухмыльнулся. – Мы... Россия, я имею в виду, тоже заплатила.

– Иди ты, – я был искренне удивлен. – Мы же знали, что дело нечисто?

– Знали, да только доказательств не было. «Гнев Аида» мы ведь так и не получили. Вот чтобы не противопоставлять себя всему остальному миру, пришлось забашлять. Выкинутые миллионы, а что делать... политика, будь она неладная!

– Мерзко, – я скривился от гадливости. – Развалили и без того нищую страну, угробили сотни тысяч людей, и все из-за жалких кусков бумаги, даже не бумаги, а из-за циферек в компьютере, денег, блин, электронных... из-за ничего, из-за пустоты.

– Деньги и купленная на них власть ослепляет, заглушает разум. Организаторы этой аферы даже не попытались выяснить у всяких там ученых голов, а можно ли вообще трясти Гаити?

– Из твоих слов напрашивается вывод, что нет.

– Угадал, – Леший сокрушенно вздохнул. – «Гнев Аида» послал импульс в какой-то очень деликатный разлом земной коры. Я не специалист, но знаю, что после него вся тихоокеанская зона пришла в движение. И не только она. На противоположной стороне земного шарика, точно супротив Гаити, оказался не кто-нибудь, а Китай, его южные провинции. Там вообще началось светопреставление: землетрясения за землетрясением, сели, обвалы, огромные участки почвы в считанные секунды проваливались в недра планеты.

– Китайцы поняли, откуда ветер дует?

– Моментально. Они же не дураки. – Леший уставился в пустоту и принялся вспоминать. – Янки тогда отмазывались, мол, это не мы... мол, террористы. Но дети Великого Мао крепко держали их за яйца. Осуществить акцию по захоронению Гаити было просто невозможно без волосатой руки, может даже и не одной, тянущейся из мягких кабинетов Вашингтона. «Гнев Аида» это не прогулочная яхта, просто так ее не захватишь, а главное не используешь. Так что все готовилось заранее, и коды доступа были получены не откуда-нибудь, а прямо из Пентагона. Помнится, тогда даже проскользнула версия, что американцы разыграли очередную комедию, типа атаки на Нью-Йоркские башни-близнецы. Ведь в те годы свирепствовал экономический кризис. Даже у самой богатой страны мира средств было в обрез. Вот Дядя Сэм и отыскал экспресс-метод финансирования своей военной компании в Ираке и Афганистане.

– А что было дальше? – я жадно впитывал каждое слово, ведь такие откровения простым смертным доводится слышать далеко не каждый день. И хоть все это дела давно минувшие... все равно жуть как интересно!

– Дальше вроде как все улеглось. Штаты задобрили китайцев офигенными льготами по импорту их товаров. Те вроде как удовлетворились, но обиду все же затаили, и повернули свою программу климатического оружия против звездно-полосатого флага.

От долгого повествования у Загребельного пересохло в горле. Он снял с пояса флягу, отвинтил крышку и промочил горло. Насколько я помнил, раньше во фляге у него был спирт.

– Дай и мне чуток, – попросил я.

– Держи, – Андрюха без промедления протянул мне старую армейскую флягу образца еще тех, далеких советских времен.

Я пригубил и почувствовал вкус воды. Хотя алкоголем она и отдавала, но все же это была обычная аш-два-о. Видать Леший заправил флягу водой, так до конца и не опустошив ее от спирта. Я его понимал. Не выливать же ценный продукт.

Сделав вид, что именно вода и являлась пределом моих мечтаний, я глотнул пару раз. Затем посидел с полминуты, прислушиваясь как в металлическом сосуде плещется жидкость. Эх, все же жаль, что там не спирт! Градусы это как раз то, что требуется после таких вот жутких историй.

– А дальше... Что было дальше? – я даже не заметил, как задал вопрос. Язык сам произнес его.

– Второй раунд начался в Азии. – Леший словно ждал этого вопроса. – Союзники по НАТО пронюхали, что в Афганистане готовится серьезная акция. Да что там акция, прямо сказать наступление, результатом которого могла стать полная потеря северных провинций. Основные силы талибов готовились на территории Пакистана. До удара оставалось меньше месяца. – Загробельный вернул себе флягу и вновь сделал из нее жадный глоток. – Сам понимаешь, атаковать Пакистан, они не могли. Как-никак суверенное государство, да еще член ядерного клуба. Кто ж туда сунется? Оставался вариант сотворить что-нибудь этакое, что никак невозможно было расценить как прямую агрессию. Англичане предложили использовать свои наработки по управлению погодой.

– Грандиозное наводнение в Пакистане я помню.

Я точно помнил. Вернее не сообщения в новостях, а слова некоторых моих сослуживцев. Прощедшие Афган офицеры, которые прекрасно помнили через какую именно границу шли к духам караваны с оружием и свеженьким, только что возвращенным в Пакистанских тренировочных лагерях подкреплением... Так вот эти самые офицера с досадой вздыхали: «Эх, поздно дождичек пошел! Вот тогда бы... годков так двадцать пять назад... Чтобы все эти суки захлебнулись, нахрен!».

– Хорошо что помнишь, – Леший вернул меня с горных перевалов Афганистана в глубины старого, заброшенного бомбоубежища. – Мне меньше работы. Если о начисто смытых городах ты знаешь, то осталось поведать тебе лишь ту часть истории, о которой в мире догадывались единицы.

– Интересно.

– Пронырливые ребята из китайской разведки пронюхали о готовящемся потопе. Их аналитики и метеорологи просчитали, что стихия такого масштаба не может быть локализована на одном сравнительно малом участке, она обязательно затронет соседние регионы, в том числе западный Китай. О своих выводах китайцы поставили в известность США и Англию. Они потребовали не применять климатическое оружие вблизи их границ.

– И что те ответили?

– Те? – Загробельный горько усмехнулся. – Те послали азиатов подальше. Дали понять, что не они в этом мире правят бал.

– Ого! – я аж присвистнул. – Это оскорбление. Это вызов. Зная китайцев, могу сказать, что такое стерпеть они не могли.

– И не стерпели. После того как северо-запад Китая залило водой и переколошматило оползнями, Поднебесная стала готовить достойный ответ.

– Знаешь какой? – ожидая чего-то уж очень невероятного, я уставился на Андрея.

– Еще бы не знать, – тот зло хмыкнул. – Они остановили Гольфстрим.

– Что?! – я не поверил своим ушам. – Так та нефтяная платформа в Мексиканском заливе...

– Нет, платформа «Бритиш Петролеум» взорвалась раньше, и чисто по халатности бурильщиков. Но эта авария послужила хорошим прикрытием, если не сказать помощником. Пытаясь связать, абсорбировать нефть, янки буквально заполнили залив всякой химией. Китайцы поглядели на это и добавили к коктейлю несколько своих ингредиентов. В результате плотность воды в нижних слоях резко возросла. Она превратилась в настоящий клейстер, который, сам понимаешь, течь уже никуда не мог. – Леший горько усмехнулся. – Мы перехватывали радиogramмы американских субмарин, которые попав в этот кисель теряли до восьмидесяти процентов своего хода.

– Тогда говорили, что остановка Гольфстрима станет трагедией для всего мира, – припомнил я.

– По расчетам китайских специалистов их стране ничего не грозило. Зато проклятые янки навсегда забудут, что Флорида когда-то именовалась американским раем, а их Британских союзников ждала еще более веселая перспектива. Англии грозил такой холод, что впору было приступить к разведению пингвинов.

Я представил себе эту картину, но смешно мне не стало. Снежные заносы на улицах Лондона, Мадрида и Парижа. Лютый мороз пожирает Кастильские оливковые рощи, сады и парки Версаля, превращает в тундру территории Скандинавских стран. Цирк-зоопарк, и все это не случайность, не выбрык своенравной природы, а результат приказа, чудовищная воля нескольких человек. Хотя чего еще можно было ожидать от разгневанных Китайцев? Глаз за глаз, зуб за зуб. Как говорил Главный, типичная человеческая логика, человеческий поступок. И на него непременно должен был последовать ответ.

– НАТОвцы не успели ответить, – Леший словно прочел мои мысли. – Их опередили.

– Кто?

– А как ты думаешь?

– Ханхи, наверно.

– Погоди ты с ханхами! До них был еще наш, Российский выход, – сообщил мой приятель. – Россия она ведь не на другой планете находится. И ее, естественно, вся эта котовасия коснулась, да еще как коснулась! Вспомни ту жуткую жару и вызванные ею пожары лесов и торфяников летом 2010-го. Она между прочим накатила на нас именно в те дни, когда англичане выплеснули полагающуюся России воду на многострадальный Пакистан. А после Гаитянских событий весь Дальний Восток и Камчатка ходили ходуном.

На все это мы должны были как-то реагировать, защищаться. Самой большой занозой в заднице был конечно же «Гнев Аида». Его то и решили тихо и по возможности натурально ликвидировать.

– И как, ликвидировали?

– Ликвидировали, – подполковник ФСБ закивал, но как-то не очень радостно. – Только я бы не сказал, что уж очень тихо. «Гнев Аида» засекли в двухстах милях от восточного побережья Японии. Субмарина шла в сопровождении еще одной подлодки класса «Вирджиния». Судя по всему эта парочка направлялась к побережью Китая, куда-то в район Шанхая. Медлить было нельзя, и нашим подводникам приказали «Фас!». «Вирджинию» накрыли первым же залпом, но она прикрыла собой главную цель и тем самым дала «Гневу Аида» фору. Хотя, если честно говорить, какая там, к дьяволу, фора, когда за ними шли две «Щуки-Б» вооруженные «Шквалами»!

О характеристиках подводных лодок класса «Щука-Б» я конечно же ничего не знал. Но название «Шквал» вспомнил. Реактивная торпеда, летящая под водой со скоростью триста пятьдесят километров в час, это была легенда, символ военного и научно-технического могущества нашей страны.

– Так вот... – тем временем продолжал Леший. – Понимая, что им не уйти, американцы применили установку против наших подводных лодок. Это был их единственный шанс. – Предвидя мой вопрос, Андрюха пояснил. – Очевидно какой-то из режимов «Гнева...» позволял использовать его на ближних дистанциях как тактическое оружие. Правда, судя по всему, это был не опробованный режим. После первых же импульсов в том районе началось чёрти что. Океан в прямом смысле ходил ходуном. Пошли подземные толчки, возникло цунами. Японцы надолго запомнили эти дни, ведь именно в результате всех этих катаклизмов и рванула АЭС в Фокусиме.

На фоне гибели всего мира катастрофа на японской атомной станции сейчас выглядела просто легким недоразумением. Неудивительно что я не особо на нее прореагировал. Куда любопытней показался исход подводного сражения.

– А что исход? – Загребельный ответил на мой вопрос. – Я же в самом начале сказал, избавились мы от этого чуда вражеской техники. Правда и одну подлодку потеряли. Международный скандал из конфликта раздувать не стали. Не мы, не американцы. Сам понимаешь, замешано секретное оружие массового уничтожения, плюс разоренное побережье Японии, плюс АЭС. Кто его знает, на чьей стороне окажется мировое общественное мнение? А лодку нашу объявили погибшей в ходе учений на Баренцевом море.

– Да-а-а... ну и дела... – протянул я и тут же спохватился. – Слушай, друг Андрюха, а почему Главный обо всем этом не вспоминал? Неужели не знал?

– Знал конечно же, – подполковник ФСБ кивнул. – Может не во всех подробностях, но все же знал. А не вспоминал потому, что не от этого старушке Земле досталось больше всего.

– Все-таки были украденные технологии, опьяненные новыми возможностями диктаторы и террористы?

– Были, – авторитетно подтвердил чекист. – Разборки сверхдержав наглядно показали, что климатическое и сейсмическое оружие это не вымысел, не детские игрушки, а мощное, эффективное средство глобальной войны. Вот тогда-то и понеслось! Удар за ударом, смерчи, ливни, ураганы. Пока применялись атмосферные средства, мир еще держался. Но когда Израиль ответил с помощью подземного, возможно термоядерного взрыва, который был произведен на стыке каких-то там тектонических плит, все стало очень плохо.

– Полагаю, именно тогда человечество и познакомилось с ханхами?

– Именно тогда и познакомилось, – подтвердил Загребельный. – Пришельцы не позволили людям и дальше измываться над планетой.

После этой фразы мы надолго замолчали. Не знаю о чем думал Андрюха, но я... В который раз за минувшие сутки меня придавило ощущение своей собственной ничтожности и никчемности. Да пожалуй не только своей. Всеобщей. Ничтожности и никчемности всех людей на Земле. Это чувство складывалось как бы из двух частей, двух компонентов.

Во-первых, знать что человеческую расу создали, слепили словно из пластилина чужие, это само по себе унижительно. Раньше заслуга появления на свет божий принадлежала нам самим. Сперва мы были амебами, потом рыбами, позднее ящерицами и обезьянами. Затем самостоятельно, абсолютно самостоятельно превратились в гомосапиенсов. Никому не должны и никому не обязаны. Все сделали сами: родились, возмужали, развились и поумнели, построили общество и цивилизацию. Так мы думали раньше. Однако теперь вдруг выяснилось, что все это совсем не так. Мы, как и вся наша планета, созданы великими конструкторами и изобретателями, творцами жизни во вселенной по имени ханхи. Обидно. Цирк-зоопарк, до слез обидно!

Но куда хуже этого известия стала новость под номером два... Мы оказались дефектными, ущербными, умственно неполноценными. Соперничая друг с другом, стремясь к наживе и власти, мы начали разрушать мир, в котором сами же и живем. Понятно ханхи не могли равнодушно наблюдать на то, как гибнет творение их рук. Не отягощенные чувством жалости, живущие одной рациональностью, они приняли решение – сменить арендаторов принадлежащей им собственности. Человечество пошло под нож, быстро освобождая площади для новых обитателей голубого шарика под названием Земля.

Мы, последние из уцелевших, отчаянно сражаемся за свою жизнь, на что-то надеемся. Вернее надеялись. После встречи с Главным стало понятно, что шансов у нас нет. Не думает же он, в самом-то деле, что мы вместе с Лешим, вооруженные знанием всей правды, сможем что-нибудь изменить? Утопия! Настоящая утопия!

– Главный сказал, что у нас два месяца.

Прозвучавший в тишине бомбоубежища голос Загребельного прервал мои мысли. Был он ровный и бесцветный. Сразу стало понятно, что Андрюха никак не может сложить собственное отношение к тому предложению, которое мы с ним получили.

- Фигня все это! – я предельно кратко озвучил суть своих последних рассуждений.
- Спасти мир за два месяца...

Леший словно не расслышал моего восклицания. Голос его продолжал оставаться бесстрастным и задумчивым. Мой приятель явно говорил сам с собой. На такой ответ, по сути и не являющийся ответом, я мог прореагировать двояко. Либо психануть, что в общем-то соответствовало моему нынешнему настроению, либо расслабиться и предаться фантазиям о том, как два супергероя спасают целую планету. Слава богу у меня хватило мозгов пойти по второму пути.

- Как будем спасать?

На этот раз Леший прореагировал:

– Подумаем. Для начала вспомним о том, что говорил Главный, к чему он нас подталкивал.

– Дорога, – протянул я, покопавшись в воспоминаниях. – Помнится от сказал: «Неважно куда идти, главное для чего».

– Очередная тень на очередной плетень, – подполковник ФСБ вмиг расшифровал уловку Главного. – Он прекрасно знал и куда идти, и для чего. Только напрямую сказать не мог. Боялся гнева своих собратьев.

- Логично, – я согласился со словами приятеля. – Итак, идти нам следует...

– В Белоруссию, под Могилев, – закончил за меня Загребельный. – Именно об этом месте рассказывал Главный. Он пытался убедить всех своих собеседников, что пришел именно оттуда, наталкивал на мысль, что дорога проходима.

– Так... с местом, кажется, разобрались, – это расследование понемногу начало меня занимать. – Теперь попытаемся выяснить, что мы там потеряли, под Могилевом-то?

– Верной дорогой идете, товарищи! – похвалил меня Загребельный. – А сам-то что думаешь по этому поводу?

– Платформы! Там находятся две боевые платформы ханхов, которые якобы сбили бойцы белорусского сопротивления.

– Ну, насчет «сбили»... да и существования самого сопротивления я, откровенно говоря, очень сомневаюсь, – хмыкнул Леший. – А вот что Главному удалось умыкнуть и спрятать два инопланетных корабля, так это очень даже походит на правду.

- Для чего?

– Пока непонятно. Хотя... транспорт он ведь и предназначен для того, чтобы на нем куда-то отправиться.

- Куда?

– Я тебе что, справочное бюро? – возмутился Андрюха. – Не знаю куда. Может пойдем, когда доберемся до места.

– Ты и вправду думаешь, что это реально, добраться я имею в виду? – я в упор поглядел на приятеля. – Километров так с полтысячи будет, причем почти весь маршрут проходит по Проклятым землям.

– Только не говори, что обгадился со страха. – Леший хитро прищурил один глаз. – То оружие и боеприпасы, которыми ты снабжал нас все эти годы... Где ты их брал? Если бы склады находились в пустошах, то их бы уже давно нашли. Пустоши хожены и перехожены вдоль и поперек. Единственное место, где могло сохраниться оружие, это Проклятые земли.

Что тут скажешь? От проницательного чекиста было сложно что-либо утаить. Поэтому пришлось сознаться:

– Я забирался в зону не более, чем на двадцать километров. А что там дальше, в глубине... один дьявол ведает.

– Печально, – Загребельный сокрушенно покачал головой. – Мне думалось, что полковник Ветров с Проклятыми землями на «ты».

– Думалось ему... – я возмущенно фыркнул.

То ли от нервов, то ли бессознательно пытаюсь раздобыть энергию, столь необходимую для заживления ран, я опять почувствовал жуткий голод. Бумажный сверток зашуршал, и зубы вновь впились в кусок уже абсолютно холодного мяса. Оно остыло очень быстро, и теперь приобрело температуру окружающего воздуха. Холодного воздуха. Это могло означать лишь одно – на землю пришла ночь.

Я поежился, чувствуя себя весьма неуютно в футболке, одетой поверх нее легкой демисезонной куртке, спортивных штанах и натянутых на босу ногу кирзаках. Да, конечно же, на мне были еще и бинты! Но даже при таком утеплении выдержать ночь, когда температура падает до пяти-шести градусов... дело, прямо скажу, непростое.

– Костерок бы развести... Как думаешь? – предложил я, поеживаясь.

– Дыму здесь выходить некуда, вентиляция не работает, – Леший огляделся по сторонам. – Все, что можно жечь, либо синтетика, либо покрыто синтетикой. Чадить будет будь здоров. Так и задохнуться недолго. Бывали уже случаи.

– Холод собачий, – пожаловался я.

– Будем греться друг об друга. Иного выхода нет, – Загребельный кивнул на свой котелок. – Сейчас проглочу все это, и двинем спать.

Когда мы вернулись в главный зал, там уже во всю шла подготовка к ночи. Бойцы общарили бомбоубежище, которое в предвоенные годы использовалось как ночной клуб. Их добычей стали куски какой-то толстой черной ткани, похоже, раньше служившие светонепроницаемыми шторами, охапки цветной, поблескивающей в свете керосинки полиэтиленовой пленки и целая кипа бухгалтерских бумаг. Навалив весь этот мотлох поверх оторванных от столов крышек, они соорудили примитивную лежанку, на которой впритирку могли уместиться четверо. О мягкости сего ложа говорить не приходилось, зато оно довольно пристойно изолировало от холодного бетонного пола.

Когда все приготовления наконец были закончены, четверо моих товарищей, отбросив чины и должности, на равных стали тянуть жребий. Короткий кусочек провода достался Сергею Чаусову, а вместе с ним и «почетное» право первым заступить на дежурство.

– Повезло, – хихикнул Мурат. – А то от этого бегемота житья нет, то храпит, то ворочается.

– Не волнуйся, Муратик, часика через два я юркну тебе под бочек, – в ответ пообещал морпех.

– Чаусов, Ертаев, а ну, отставить эти ваши любимые пидарские шуточки! – рявкнул Загребельный. – Ишь, блин, взяли моду!

Лешего данная тема всегда раздражала. Оно и понятно, человеку, вышедшему из колыбели рабоче-крестьянской Красной Армии, слушать о сладкой мужской любви к своему же полу... это почти что оскорбление. Я его понимал. Испокон веков в воинских частях сотни, тысячи мужиков жили все вместе, одной большой семьей. Порой доводилось спать по три человека на матрасе, укрывшись одним тощим одеялом. А уж тереть друг другу спины в общей бане на сотню человек или целым взводом сидеть на дырках в сортире без кабинок, так это вообще – самое обычное дело. И никогда ни у кого не встал при взгляде на голого волосатого соседа. Не видел я такого! Конечно, всегда были придурки и недотепы, но только тогда им еще не рассказали, что можно подкрасить глазки и шикарно, по-заграничному, наречься геями.

Вспоминая те старые времена, я по-доброму улыбнулся. Сразу накатила приятная теплая волна, повеяло спокойствием, надежностью, уверенностью в завтрашнем дне. А может дело совсем не в воспоминаниях? Может мне передалось тепло и забота моих новых товарищей? Последнее, что я запомнил перед тем как погрузиться в сон, были слова Загребельного:

– Полковника положим в середину. Самому ему не согреться. Одежонка вон какая дохлая.

Спасибо, мужики, – это был мой ответ, только вот не уверен, что сподобился произнести его вслух.

Спал я довольно беспокойно. И дело было не только в холоде. Всю ночь с невероятной настойчивостью снился один и тот же сон. Раза три он прерывался. Когда менялись часовые и место рядом занимал кто-то другой, я вздрагивал и открывал глаза. Но все успокаивалось, и я вновь проваливался в сон, чтобы досмотреть очередную серию жуткого фильма, повествующего о судьбе моего сына.

Командир зенитного пушечно-ракетного комплекса «Тунгуска» старший сержант Олег Ветров вел бой с боевыми челноками ханхов. Его установка прикрывала колонну техники, в которую входили большие пассажирские паромы, такие как обычно курсировали по Балтике меж Питером и Хельсинки. Корабли вытянули из воды и поставили на гусеничную тягу. Эти тысячи тонн металла, до отказа набитые вопящими от ужаса людьми, медленно ползли по пыльной проселочной дороге.

«Тунгуска» стояла на абсолютно лысом, открытом со всех сторон холме, и без устали молотила по заходящим для атаки челнокам. Ханхи словно не замечали колонну. Они атаковали только установку моего сына. Причем использовали для этого какие-то невидимые лучи. Инопланетные летательные аппараты образовали гигантский смерч, вращающийся прямо над холмом. Они кружились и облучали, облучали и кружились. Я видел как на установке вспыхнула краска, однако та все равно продолжала стрелять. Созданная людьми боевая машина пока еще выдерживала натиск инопланетных агрессоров, а вот земля, на которой она стояла, кажется, нет. Грунт под гусеницами «Тунгуски» стал размягчаться, быстро превращаясь в расплавленную лаву. Тяжелая боевая машина начала тонуть в ней как в жерле только что проснувшегося вулкана.

Я прекрасно понимал, что ни Олег, ни кто-либо другой из его экипажа уже не сможет спастись. Я видел лицо сына. Оно было мокрым от пота, грязным от копоти, по нему плясали багровые отблески страшного пожара. Олег что-то кричал. И это были отнюдь не слова команд. Он кого-то звал, протягивал к кому-то руки. И моему сыну ответили. К Олегу протянулись худенькие женские ладони. Их руки встретились. Олег привлек к себе девушку. Знакомые темно-каштановые волосы, маленький, чуть вздернутый носик, огромные карие глаза. Лиза! Господи боже мой, это была Лиза! Мой сын крепко обнял девушку. То было прощальное объятие двух любящих друг друга людей, которым вот-вот предстояло расстаться с жизнью.

В этот миг огонь, пожирающий двух детей, словно переметнулся ко мне в грудь, со шкворчанием обжег все внутри. Я совершенно не думал о том, что увидел свою возлюбленную в объятиях сына. Я понимал лишь одно: я теряю их... навсегда теряю их обоих! И поделаться ничего нельзя. В моих силах лишь кричать, выть от боли и горя.

– Ты чего, Максим? Очнись!

Леший крепко держал меня за руки. На его щеках играли оранжево-желтые блики, очень похожие на те, что я только что видел на лице у своего погибающего в огненной пучине сына. Может именно поэтому я не сразу очнулся, понял что со мной и где нахожусь.

– Мы в «Бункере». Опасности нет. Успокойся, – Загребельный не утешал, а скорее приказывал.

– В «Бункере»... – запинаясь, повторил я и перевел взгляд на огонек керосиновой лампы, которую прямо над нами держал Саша Клюев, светловолосый, лет тридцати пяти от роду гранатометчик из группы Лешего. – Да-да... конечно... я помню.

Почувствовав как мои руки расслабились, Леший их отпустил. После чего Андрюха сокрушенно покачал головой, тяжело вздохнул и вновь улегся на свое место. С другой стороны меня подпер морпех. Клюев же, с раскачивающейся лампой в руках, стал медленно удаляться. Он явно направился к выходу из зала, тому месту, где и дежурили наши караульные. Никто не

проронил ни слова. Все прекрасно понимали – после того, что довелось перенести полковнику Ветрову, сны у того просто не могут быть светлыми и по-детски безоблачными.

Оказавшись в темноте, я попробовал вновь заснуть. Куда там! Лицо Олега вставало в памяти всякий раз, как только я смыкал веки. Страшное обожженное лицо. Он беззвучно переносил страдания. Он не звал меня, ни о чем не просил. Он никогда меня ни о чем не просил...

Промучившись где-то с полчаса, я решил, что уже не засну. Кроме того на часах сейчас стоял Клюев, последний в списке сегодняшних караульных. И это означало, что близится утро.

Я постарался встать как можно тише и осторожней, так чтобы никого не разбудить. Встать... Еще вчера такой трюк у меня бы вряд ли получился. Еще вчера на ноги меня поднимали с помощью подъемного крана, ну или сильных рук кого-нибудь из моих товарищей – бойцов спецгруппы подполковника Загребельного. Зато сейчас все изменилось, причем в лучшую, гораздо лучшую сторону. Я не чувствовал ран, сломанные ребра болели так, словно это были всего лишь синяки, полученные в прозаической автобусной давке. И что самое замечательное – в мое тело понемногу начали возвращаться силы. Чудо! Настоящее чудо! Пол часа, проведенные в компании Главного, сделали с моим организмом то, на что самая современная медицина потратила бы не один месяц. Интересно, а шрамов на мне тоже не осталось?

Ответ на этот вопрос я решил выяснить как-нибудь в другой раз. Сейчас же я поднялся, не забыв прихватить с собой автомат, с которым по привычке спал в обнимку. Не скажу, что все эти упражнения дались мне очень уж легко. Однако опыт по преодолению постпохмельного будуна имелся, и я воспользовался им как инструкцией к действию, тем более, что симптомы оказались весьма похожи. Повесив автомат на шею, я вытянул вперед руки и небольшими неуверенными шашками поплелся в направлении легкого свечения, которое виднелось на противоположном конце темного подземного зала.

Когда я добрался до двери, то обнаружил там Клюева, сидящего на той самой дырявой аудиоколонке, которую вчера трамбовал своим задом я сам. Керосиновая лампа стояла рядом, и гранатометчик занимался тем, что придирчиво осматривал свой РПГ-32, продувая и протирая мягкой тряпочкой все его, так сказать, деликатные места.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – Александр сделал попытку подняться.

– Сиди, – буркнул я и протопал мимо бойца в направлении одной из примыкающих комнат.

Провел я там пару минут и вернулся, чувствуя несказанное облегчение в мочевом пузыре. За время моего отсутствия во владениях Клюева кое-что изменилось. Рядом с аудиоколонкой появился пластиковый стул, один из тех, что в превеликом множестве валялись в зале.

– Товарищ полковник, вы спать или посидите со мной? – поинтересовался боец.

– Ну раз ты уж стул приволок... – вместо того чтобы договорить я опустился на удобное пластиковое сиденье, после чего поплотнее запахнул куртку. – Сам-то чего на ящике мучаешься? Ведь неудобно.

– Вот и хорошо, что неудобно. Всякое желание уснуть пропадает, – ухмыльнулся Саша. – Сейчас уже почти пять утра. Самое гадкое время. Вы, поди, и сами знаете.

– Знаю, – согласился я, припоминая те далекие времена, когда еще заступал дежурным по части. Час, два, три ночи – сна ни в одном глазу. Ну а как пробьет четыре утра, вот тут и начинается... Внутри словно батарейка садится, причем моментально так, за считанные минуты. Сил едва-едва хватает, чтобы держать веки открытыми.

– Мне частенько приходилось ходить начальником караула, – продолжил свой рассказ Клюев. – Вот и понапридумывал всяких хитростей и уловок, чтобы, значит, службу тащить исправно. Я ведь, не ради хвастовства будет сказано, человек обязательный.

– Начкаром ходил? – переспросил я. – Так ты...

– Прапорщик, – помог мне Клюев. – Прапорщик воздушно-десантных войск. С восемнадцати годков в армии, и до тех самых пор, пока не сократили как прапорщиков, так и меня

самого. – Тут Александр тяжело вздохнул, очевидно припоминая те не веселые времена, когда тысячи офицеров и прапорщиков вышибли из армии, лишили части их жизни, их души.

– Ханхи нас всех сократили, – я попытался утешить своего боевого товарища. – Так что теперь чего уж сетовать.

– Это верно, – Клюев кивнул. – То, что произошло... Просто в голове не укладывается. Жили себе тихо, мирно, спокойно, и вдруг бац... Ничего этого уже нет.

– Хорошо сказал... тихо, мирно и спокойно, – с горечью в голосе повторил я, со всех сил стараясь удержаться от сарказма.

Однако пронизательный прапор все же что-то такое почувствовал, потому как набундючился и подозрительно умолк. Сидели мы так минут пять, безмолвно уставившись на колеблющийся огонек лампы. Каждый думал о своем. Я в значительной степени все еще находился под впечатлением ночного кошмара и вспоминал сына. То, как мы провожали его в армию. То, как вместе с женой ездили на присягу, в учебку под Оренбург. Тогда никто даже не мог предположить, что это будет наша последняя встреча.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос? – мысли Клюева наконец нашли себе выход.

– Да, – я перевел взгляд на прапорщика.

– Про утро вчерашнее спросить хочу. Почему кентавры нас отпустили? Я что-то плохо помню, будто в отключке был. – Десантник помотал головой, словно до сих пор так и не пришел в себя.

– А что ты помнишь?

– Помню, что когда отходили, многолапые вроде не двигались, – прапорщик покопался в воспоминаниях. – Или это мне так казалось? Я же говорю, с головой у меня что-то неладно было.

– А ты этот вопрос Загребельному задавал?

– Конечно, задавали.

Клюев сказал «задавали», из чего сам собой напрашивался вывод, что вся группа находилась в недоумении от нашего чудесного спасения.

– И что он ответил? – я не хотел, чтобы моя история шла в разрез с рассказом Лешего.

– Помогли, говорит, нам. Парализовали кентавров газом, да только эта штука чуток и нас зацепила. Кто именно нам помог, подполковник так и не сказал... – тут Клюев счел своим долгом оговориться: – Да и, если честно, мы особо не допытывались. Времени на эти разговоры совсем не было.

Ой, спасибо тебе, друг Андрюша! – мысленно поблагодарил я Загребельного. – Ляпнул первое, что на ум взбрело, а мне теперь пыхтеть, выкручиваться.

Тут до меня вдруг дошло, что Леший счел преждевременным открывать людям всю правду. Я хорошо знал подполковника ФСБ и сразу понял, что, видать, на то у него имелись свои серьезные резоны. Что ж, раз так, то и мне пока следует держать язык за зубами.

– Да, нам помогли, – начал я не очень уверенно. – Другая группа. Видел издалека. Скорее всего не местные. У них имелись гранаты с газом, и полагаю, что газ этот был не нашего производства. Наверняка разработки ханхов. По-другому быть просто не может. Уж очень быстро эта вещь подействовала на кентавров. – Моя заключительная фраза должна была направить мысли Клюева в нужном, правильном направлении. Поэтому я с недоумением произнес: – И где они их только отыскивали?

– Ну, дела!

Десантник тут же начал что-то себе шифровать. Может и впрямь пытался понять откуда взялось это спецсредство, а может перебирал в памяти всех известных ему кандидатов на роль наших спасителей. Именно благодаря этой паузе у меня и появилась возможность подумать над продолжением разговора. Пожалуй, сейчас Клюева следовало огорошить простым и ненавяз-

чивым вопросом, что-то типа «Как пройти в библиотеку?». На примете у меня как раз имелся один такой:

– Боязно мне что-то, – как бы разговаривая сам с собой, протянул я.

– Боязно? – Ключев среагировал моментально. – Почему боязно?

– Кто знает, как там наши наблюдатели?

– Призраки до них не доберутся, а больше ночью вроде как страшиться некого.

– Некого говоришь... – я тяжело вздохнул. – Тут, понимаешь ли, дело такое... Подопечные мои, Лиза с Пашкой, они чуток недолюбливают Сергея... Блюмера, я имею в виду. Если сцепятся...

– А-а-а, это... Вы не волнуйтесь, товарищ полковник, – прапор широко улыбнулся. – Загребельный с ними капитана Соколовского оставил. Этот всяких там глупостей не допустит, уж поверьте мне. Костя не человек, а камень. У него, между прочим, четыре боевых ордена.

– Солидно.

Я вынужден был согласиться. И только я это сделал, как в темноте убежища послышался звук открывающейся двери. Через мгновение в глубь коридора проник серый, словно плотно нашпигованный пылью свет предрассветных сумерек.

Мы с прапорщиком тут же схватились за оружие, да только напрасно. Опасности не было. Со стороны входа в «Бункер» послышался хорошо знакомый голос:

– Свои! Не стрелять! – затем Соколовский добавил: – Подымайтесь! Скорее! Они ушли.

Глава 3

Все обстояло именно так, как мы и предполагали. Ворота Одинцовской колонии оказались открытыми, причем не просто открытыми, а я бы сказал распахнутыми настежь, если конечно такое определение можно применить к их конструкции. Старый оранжевый «Камаз», к задку которого был приделан запирающий щит, виднелся далеко в глубине периметра. Так что пятиметровый, сложенный из бетонных блоков и кирпича, коридор, именуемый Северными воротами, теперь был полностью свободен. В такой ситуации оставалось лишь надеяться, что мы успели первыми, и внутрь поселения еще не успели пробраться хищные, вечно голодные твари.

– Как говорится, с возвращеньцем, – Костя Соколовский бросил на нас с Лешим быстрый взгляд и горько усмехнулся.

– Да уж... – кивнул я, припоминая наше показательное, обставленное по всем правилам изгнание из поселка.

– Нечего время терять. Двинули! – Загребельный первым сделал шаг вперед.

Приближаясь к воротам, я внимательно оглядывался по сторонам. Сейчас периметр напоминал крепость, которая пала после яростного штурма. Серые стены, словно ожогами, разукрашены черными подпалинами ядовитой инопланетной плесени, через которые проложили себе путь грязно-белые известковые потеки – следы едких кислотных дождей. Витки спиралей Бруно, идущие по верхнему краю стены, кое-где оказались оборванными и свисали вниз огромными, слегка покачивающимися на ветру пружинами. Несколько битых прожекторов уныло глядели на мертвый город пустыми черными глазницами. Испортили их, видать, когда в спешке пытались снять, да так и бросили, добив вместо того, чтобы тратить время на ремонт. Дополняли картину уныния и разорения клубы черного дыма, которые поднимались от чего-то, что все еще тлело за стеной.

Я глядел на все это, и сердце мое сжималось. Сколько сил положено, сколько жизней принесено в жертву, и все зря! Ушли, бросили, оставили во владении тупых тварей, которые и так уже заполнили весь мир.

Только я подумал о монстрах, как они не замедлили появиться. Два наездника нарисовались на фоне оранжевого силуэта грузовика. Твари замерли, словно не зная что предпринять. Они явно были голодны, но противников было много, слишком много. Секундное замешательство обошлось хищникам очень дорого. Среди нас оказался человек, который по некоторым причинам недолюбливал именно этих отвратительных, похожих на высокие пятиногие табуретки, бестий. И на их беду этот человек в совершенстве владел оружием.

Короткая очередь перевернула одного из наездников и заставила его гулко шлепнуться о решетку радиатора старого «Камаза». Вторая тварь попыталась бежать. Она совершила отчаянный высокий прыжок, после которого грохнулась на землю... грохнулась уже смертельно раненой. Наездник попробовал уползти, отталкиваясь слабеющими, длинными как спицы ногами, но ему, конечно же, это не удалось. Лиза прикончила врага двумя одиночными выстрелами.

– Да-а-а... – только и протянул Загребельный, глядя на то, как девушка опускает автомат.

– Лизонька, выходи за меня замуж, – жалобно попросил здоровяк морпех. – Буду за тобой, как за каменной стеной.

Шутка понравилась, и все дружно заржали, не скажу, что очень уж весело, скорее нервно.

– Отставить смех, – приказал Леший. – Входим внутрь. Всем внимание. Получается, что мы тут не первые. Внутри уже имеются гости.

Пока преодолевали входной туннель, я то и дело поглядывал вверх. Все казалось, что какая-нибудь тварь вот-вот бросится со стены. Однако бог миловал. Мы без проблем вошли внутрь поселка.

Первый же взгляд по сторонам заставил меня вздрогнуть. Колония больше не походила на оазис мира и спокойствия. Практически все теплицы оказались разрушенными. Деревянные конструкции и полиэтиленовую пленку с них свалили в несколько огромных куч и подожгли. Именно дым от этих, уже практически догоревших костров, мы и видели на подходе к поселку. С одной стороны, конечно же, варварство, но с другой... С другой я понимал Крайчека. Восстанавливать почву больше никто не будет, так что и теплицы уже вроде как ни к чему. Зато свет... Свет жителям Одинцово прошедшей ночью был необходим позарез. Электрическое освещение периметра уже демонтировали, и огромные, до самого неба костры, это единственное, что могло защитить от призраков, дать возможность подготовиться к дальней дороге.

Но не только разрушенные теплицы да чадающие головешки создавали ощущение безысходной тоски и конца всего сущего. Немалую роль здесь играли вещи. Огромное количество разнообразных человеческих вещей, разбросанных по земле. Одежда, обувь, детские игрушки, книги, всякие там пузырьки и склянки. Было понятно, что все это добро не потеряли, а специально выпотрошили из рюкзаков и котомок у отправляющихся в изгнание одинцовцев. Однако и это, наверняка совсем непопулярное решение, я тоже понял. Нельзя было отягощать себя лишним грузом. Люди и так слабы, поэтому полное безумие разрешить им тащить с собой зачастую бесполезный балласт. Обзаведутся новым, если конечно останутся живы.

– Увидишь что-нибудь подходящее тебе по размеру, бери, – негромко обратился ко мне Загребельный. – Иначе загнешься от холода. Одежда пока чистая, а пролежит день-другой... Ну, короче, сам знаешь что с ней будет.

После общения со мной Леший стал раздавать приказы своим людям:

– Рассредоточиться. Цепью. Дистанция десять метров. Двигаемся в сторону убежища. Смотрите, не вляпайтесь в кровь наездников. Бегом...

Я не дал ему произнести «марш».

– Андрей, ворота...! Запереть бы.

Леший отрицательно покачал головой:

– Вдвядтером мы «Камаз» не сдвинем. Надо скорее добраться до убежища. Глядишь, и отыщем помощников для этой работенки.

– Не пойдет, – заупрямился я. – Пока будем мотаться туда-сюда, внутрь периметра всякой нечисти видимо-невидимо набьется. Так что лучше оставайтесь здесь и держите вход. А я... – дойдя до этого места, я оттолкнул плечо Сергея Чаусова, который, несмотря на все мои успехи, продолжал подстраховывать и опекать покалеченного полковника бронетанковых войск, – ... а я тем временем попробую постучаться в убежище.

На лице Загребельного отразилось сомнение. В этом предложении конечно же был свой резон, но отпускать меня самого Леший не решался. Пара наездников на входе это далеко не все твари, которые могли просочиться внутрь.

– Ничего со мной не случится. Убежище ведь вон оно... – я мотнул головой в сторону блочной четырнадцатизэтажки, выглядывающей из-за трехэтажного здания, в котором еще вчера размещался штаб Крайчека. – Метров двести пятьдесят, не более.

Я очень надеялся, что мое предложение будет принято. И это не только потому, что оно по всем статьям обставляло план Лешего. Был у меня тут и личный интерес. Там, в убежище, вполне вероятно находился один человек, с которым я бы хотел выяснить отношения с глазу на глаз, без косых оценивающих взглядов Лешего и его команды.

– Один не пойдешь, – Загребельный все же сдался, но поставил свое условие.

– Ну тогда дай мне... – я помедлил, подбирая подходящую кандидатуру.

– Товарищ командир, разрешите, я пойду с дядей Максимом? – звонкий мальчишеский голос заставил всех обернуться.

Пашка стоял рядом со своей сестры и носком ботинка колупал землю.

– У ворот, от меня толку мало, – пояснил пацан. – Автомат у меня короткий. Он для ближнего боя, а совсем не для того, чтобы издаля зверей бить. Только патроны зря тратить буду.

Это конечно была правда, но всем сразу стало понятно, что основная причина Пашкиного рвения кроется совсем в ином. Скучно ему тут в охранении. Куда приятней прогуляться в убежище, и, если там остались его старые знакомые, произвести на них эффект своим неожиданным появлением.

– Годится, возьму Павла, – не раздумывая, согласился я. Парень частично был в курсе моей истории и при беседе с Нестеровым не станет задавать ненужных вопросов.

– Ладно, шуруйте. Только быстро, – Леший поморщился. – А то что-то не нравится мне эта тишина.

– Во-первых, рано еще, только-только рассвело, – я постарался успокоить приятеля. – А во-вторых, Главный пообещал, что кентавры пока нам досаждают не будут.

– Это я помню, – Андрюха кивнул. – Но все равно как-то беспокойно на душе. Чутье что ли? – После этого, заданного самому себе вопроса, Загребельный махнул рукой, как бы отгоняя дурные предчувствия. – А, ладно... черт с ним. Все к воротам! Живо!

Бойцы мигом кинулись исполнять приказ командира. Все, кроме одного. Лиза, слегка прихрамывая, подошла к нам.

– Максим, поосторожней там, пожалуйста, – юный снайпер обняла меня, прижалась и украдкой прошептала на ухо: – Я так соскучилась.

– Я тоже, – шепнул я в ответ, и это по сути стало нашим первым объяснением в любви. Затем я оторвал девушку от себя и, заглянув ей в глаза, шутливо пояснил: – Нам, между прочим, надо всего лишь в соседний дом сходить, так что все эти прощания ни к чему. Через полчаса увидимся.

– А я с тобой не прощаюсь. Я с тобой здороваюсь, – не растерялась Лиза. – А то как-то при всех неудобно было.

– Тогда ладно.

Я притянул девушку к себе и быстро поцеловал. В губы поцеловал. И это был наш первый настоящий поцелуй. День видать сегодня такой, многое делается впервые.

– Еще, – попросила Лиза.

Я поцеловал ее еще, но только на этот раз в курносый носик.

– Ой, началось! – простонал скучавший рядом Пашка. Сказано это было так, словно он уже основательно устал от наших вечных нежностей. Получилось забавно, и мы с Лизой прыснули от смеха.

– Пора, товарищ полковник, – пятнадцатилетний пацан напустил на себя важности.

– Ну, пошли, коль пора, – я подмигнул девушке, поудобней перехватил «Калаш» и сделал первый шаг вглубь поселка.

Пару минут мы шли молча, пока не добрались до места, где начиналась россыпь конфискованных у Одинцовцев вещей.

– Павел, мне нужна одежда, – напомнил я пацану. – А то у меня уже сейчас зуб на зуб не попадает. Представляешь, что будет ночью?

– Что искать? – осведомился пацан.

– Брюки, какой-нибудь свитер, куртку потеплее... да, и что-нибудь годное на портянки. – Я опустил взгляд на свои ноги. – Сапоги, что ты мне раздобыл, хорошие, спору нет, но не век же их на босу ногу носить.

– Сейчас поищем, – с готовностью согласился мой напарник и направился к тому месту, где вещи лежали гораздо гуще.

Как говорится, на напарника надейся, а сам не плошай. Руководствуясь именно этим принципом, я тоже взялся за поиски. Естественно, сперва внимательно огляделся по сторо-

нам. Тихо. Ничего подозрительного. Единственное место, где могла притаиться опасность, это соседние многоэтажки, в которых еще вчера жили люди. Но до них с полсотни метров. Вполне сумею среагировать и вовремя открыть огонь. Так что пока часть своего внимания вполне можно сосредоточить на поисках.

Я медленно брел вперед, пиная ногами баулы и подушки, вороша стволом автомата кучи с одеждой и мелкой домашней утварью. Ох, эти глупые людишки, неужели вот все это они намеревались переть на своем горбу ни много ни мало, а три сотни километров?!

В поисках мне повезло сразу. Уже через пару шагов обнаружился полиэтиленовый пакет с эмблемой «BMW», в котором лежали две пары джинсов. Не новые, но целые, чистые и главное вроде бы моего размера. Это хорошо. Мне давно не терпелось избавиться от синих спортивных штанов, до неприличия растянутых в мотне и на коленях – неперемного атрибута алкоголика, который поутру натянул первое, что попало под руку, и пулей кинулся в ликероводочный отдел ближайшего гастронома.

Долгое время джинсы оставались моей самой удачной находкой. Дальше я почему-то находил лишь женскую и детскую одежду. Один раз на глаза попался вполне приличный джемпер, но он оказался связан словно на какого-то пигмея. У Пашки дела шли не намного лучше. Я видел, что пацан раздобыл две хлопчатобумажные косынки, одна голубая, другая желтая. Такс-с-с... выходит портянки у меня будут в цветах украинского флага, – эта новость откуда взявшаяся мысль меня немного развеселила. – Ничего, Украина не обидится, тем более что ее уже и нету вовсе. Проклятые земли всю под себя подобрали.

Возможно кто-либо другой искал бы еще, но я категорически запретил себе даже думать об этом. Пока мы двигались в направлении убежища, можно было краем глаза осматривать брошенные пожитки Одинцовцев, но специально заниматься этим делом... Нет уж, увольте! Не сейчас. Тем более что странная необъяснимая тревога Лешего как инфекция передалась и мне. Где-то в глубине души зашевелились старые страхи, подозрения и тревоги. Подталкиваемый ими, я прибавил ходу.

Когда мы уже покидали обширное «поле чудес», я и увидел ее. Темно-серая стеганая телогрейка лежала рядом со стопкой книг. Типично интеллигентское соседство. Ватник был немного порван на рукаве, возможно именно поэтому был брошен, предпочтен какой-то более целой и новой одежонке. Вот лохи! Лишь только тот, кто никогда не промерзал до костей, предпочтет настоящей русской телогрейке что-то новомодное. Так что вопрос брать или не брать передо мной даже не стоял. Дырка не беда. Дырку залатаем. Будет как новая. Я почти вприпрыжку подбежал к ватной стеганой куртке и тут же сгреб ее в охапку.

Завладев своей добычей, я стал отряхивать ее от пыли. Особо измаравшиеся места пришлось выбивать рукой. Во время одного из таких шлепков моя ладонь хлопнула по карману. Сразу тало понятно, что там что-то лежит, что-то тяжелое и, похоже, плоское.

Честно говоря, сразу же подумалось о фляге. Знаете, есть такие плоские металлические фляги, в которые любители крепких напитков наливают марочный коньячок, а затем прячут сосуд с драгоценным эликсиром в карман дорогого костюма. Владелец телогрейки, естественно, наполнил емкость кое-чем попроще... А то, что наполнил, в этом не было ни малейшего сомнения. Предмет казался достаточно тяжелым.

Стремясь поскорее выяснить верна ли моя догадка, я сунул руку в карман ватника. Первое же касание обнадежило: металл, гладкий, габариты примерно соответствуют моему представлению о... Предвкушая удачу, я вытянул находку на свет божий.

В моей руке оказалась толстая прямоугольная пластина размером чуть побольше ладони. Сделана она была из похожего на бронзу металла. Точно в центре располагался круглый экран, стеклянная поверхность которого была так плотно прилажена к металлическому корпусу, что казалось составляла с ним одно целое.

Несколько секунд я тупо пялился на это чудо техники и безуспешно старался понять что такое таскал в кармане неведомый владелец телогрейки. То что у меня в руках какое-то устройство, в этом не было сомнения. Но только вот для чего оно предназначено и как включается? Я повертел в руках пластину. Может, сенсорное управление? Но тогда черт его знает куда давить, ни единого символа, ни единой метки.

Только я об этом подумал, как в центре экрана вспыхнула зеленая точка, которая вмиг породила такую же зеленую волну. Она прокатилась от центра экрана к его краям, словно круг на поверхности воды, расходящийся от только что брошенного камня. Длилось все это ровно мгновение, после чего экран вновь стал черным и таким же мертвым, как и раньше.

Любопытно. Очень даже любопытно! Если учитывать, что после мощнейших электромагнитных бурь в самом начале воны вся электроника начисто выгорела, то этот прибор является уникальным образцом. Правда не ясно для чего его применяли, но все равно факт интересный. Надо будет показать другим, Лешему, Нестерову...

Вспомнив о них, я встрепенулся. Цирк-зоопарк, какого ж я тут стою! Следует поскорее разыскать оставшихся в лагере людей и закрыть ворота. Иначе... Что произойдет иначе, мне объяснили буквально в ту же секунду. Грохот автоматных очередей прорезал тишину мертвого города.

Я оглянулся на ворота, через которые мы только что вошли. Никого из заградительного отряда видно не было. Оно и понятно. Леший и его люди сейчас находятся с другой стороны стены. Они истребляют хищников на подходе, не давая им приблизиться ко входу в поселок.

– Зверье поперло, – прозвучал рядом спокойный, даже с некоторой ленцой голос Пашки.

– Дружно палят... короткими очередями, – я прислушался.

– Если короткими, то значит стая пожаловала, – предположил юный разведчик. – Ква-кухи должно быть. Наши их уделают, вы не сомневайтесь, дядя Максим.

– Не сомневайтесь... – буркнул я и стал быстро скидывать свою тощую демисезонную куртку.

Произойти могло что угодно, а бросать заветную телогрейку уж больно не хотелось. Такие вещи на дороге не валяются, разве что сейчас подфартило. Кстати найденный прибор я сунул назад в карман. Тоже ценная находка. Будет время, разберусь.

Только я застегнул последнюю пуговицу, как со стороны ворот раздался громкий вой. Услышав его, я весь похолодел. И не один я. Пашка глядел на меня с побелевшим от страха лицом. Кентавры! Это и впрямь был разъяренный вой кентавра. Сразу за ним прогремел мощный взрыв, и над стеной поднялось облако серой пыли. Стрельба стихла, и нам с мальчуганом вдруг показалось, что произошло самое страшное, непоправимое.

Позабыв о себе, обо всем на свете, мы кинулись к воротам. Возможно это было безумие. Если заградотряд погиб, то и нам грозила неминуемая смерть. Что мы могли вдвоем? Кентавры разорвут нас на куски. Но все же мы бежали со всех ног. У ворот были наши друзья, наши близкие, и мы отчаянно желали либо помочь им, либо умереть вместе с ними.

Автоматная пальба возобновилась, и у меня отлегло от сердца. Живы! Хвала всевышнему, они живы! Лиза жива!

Своих товарищей мы увидели, когда обогнули замерший перед воротами «Камаз». Бойцы прижались к обеим стенам кирпичного коридора и поливали плотным огнем жиденькую группку кентавров, пытавшуюся прорваться через ровную пятидесятиметровую площадку, которую Одинцовцы предусмотрительно расчистили перед воротами. Правда жиденьким наступающий отряд ящеров стал только теперь. Около десятка дохлых шестилапых туш свидетельствовали, что вначале ряды нападавших были куда более плотными. Между прочим, и вооружены они были по самому последнему слову кентаврской военной техники. У ворот торчал целый частокол из толстых металлических дротиков, которые ящеры метали в наших бойцов. Удача, что вреда от них не было никакого, вернее, почти никакого. Я заметил,

что у Сергея Чаусова на плече разорван бушлат. Выгоревшая камуфлированная ткань вокруг дыры окрасилась алой кровью, однако морпех словно не замечал ранения и продолжал угощать упрямо наползавших бестий все новыми и новыми порциями стали. Стоявший рядом с Сергеем Клюев готовил свой «Хашим» для нового выстрела.

– Саша, стой! – завопил я, пытаюсь перекричать грохот боя. – Не трать гранату. Мы уже здесь. Мы поможем!

Не дожидаясь реакции гранатометчика, я вскинул АКС и поймал на мушку чешуйчатую грудь одного из монстров. Нажал на спуск и с превеликим удовольствием заметил, как тварь вся задергалась, «наслаждаясь» отправленными мной приветами. Рядом застрекотала АКСУха Пашки, и второй кентавр завертелся на месте. Вокруг него плясал десяток пыльных фонтанчиков, выбитых пулями из сухой растрескавшейся земли.

– К стене! Жи... – взревел Леший, но так и не договорил, вынужденный переключиться на снайпера: – Лиза, справа!

Девушка резко развернулась и тут же всадила три одиночных пули в кого-то, кто находился за пределами моей видимости. В тот же миг рядом гулко стукнуло что-то весьма увесистое. Оглянувшись, я увидел обломок бетонной перемычки, из которого торчали куски ржавой арматуры. Метнула его здоровенная хитрая тварь, которая подкралась к нашим позициям справа, прижавшись к самой стене. Страшно даже представить, что произошло бы удайся кентавру этот прорыв. Но Лиза остановила ящера. Одна пуля вошла в его короткую толстую шею, а две другие легли прямо меж огромных фасеточных глаз. Обычно желтые они сейчас стали черными и выпученными как два пушечных ядра. Что ж, тварь так и подойдет с могильным мраком в глазах.

Бой продолжался уже минут пятнадцать. Яростный и ожесточенный в самом начале теперь он будто выдохся, превратился во что-то рутинное и плавно текущее. Кентавры не демонстрировали свою обычную дьявольскую изобретательность и расторопность. Они просто перли на нас из руин напротив. Ползли словно через силу, словно чувствовали, что идут на заклятие. Мы их убивали, но на смену павшим приходили все новые и новые твари.

Глядя на это нелогичное странное сражение, мне представилась длинная цепочка муравьев, которую наверняка видел каждый. Они ползут друг за другом, и кажется, что это движение не может остановить никто и ничто. Эта аналогия вдруг помогла понять: идет бой на изнурение, если конечно так можно выразиться. Победит тот, у кого окажется больше ресурсов: у нас патронов, а у них... Цирк-зоопарк, а ведь они в расходный материал зачислили самих себя, свои собственные жизни! Что-то новенькое. Никогда раньше не замечал со стороны кентавров такого полного пренебрежения своей шкурой. Они как и все прочие живые существа ценили жизнь, прятались, стараясь уйти из-под огня, хитрили. Что же изменилось сейчас?

Понять я так и не успел. Меня отвлек крик Мурата:

– Командир, патроны! Я расстрелял весь боекомплект!

Вот оно, началось! – пронеслось у меня в голове. – Количество патронов у нас оказалось куда меньше, чем количество кентавров, бродящих в окрестностях Москвы. И что теперь? Пока еще мы не на полном нуле отступать? Пытаться вломиться в наглухо закупоренное убежище? Успеем ли? сможем ли домчаться туда раньше, чем наши разъяренные преследователи?

Вопросы... вопросы... вопросы. Но ни на один из них мне, слава богу, не пришлось отвечать. И все потому, что неожиданно откуда-то сверху, со стены, ударила длинная очередь. В хриплом голосе оружия я с восторгом узнал акцент ручного пулемета Калашникова. РПК подержали как минимум полтора десятка автоматных стволов. Грохот выстрелов и визг пуль разом наполнили все окружающее пространство. На миг мне даже показалось, что воздух стал тяжелым и плотным от напигигованной его стали.

Удар, который я неожиданно получил, показался следствием этого ощущения. Я не удержался и рухнул на бок. Неужто зацепило? Чем? Копьем? Камнем? Черт, как обидно! В самом конце боя.

Ко мне тут же кинулась Лиза:

– Максим, что с тобой?! – девушка вцепилась в меня мертвой хваткой, поддержала голову.

– В бедро попало. Вот невезуха, – я прижал ладонь к тому месту, куда по моим ощущениям угодил выпущенный кентаврами метательный снаряд.

– Дай посмотрю, – Лиза оторвала мою руку.

Мы вместе с ней пристально и удивленно оглядели абсолютно целую полу телогрейки, а, приподняв последнюю, и гладкий трикотаж спортивных штанов.

– Точно сюда попало? – засомневалась моя подруга.

– Да вроде... – я не знал что и ответить.

– Чего разлегся? – к нам подскочил Леший в сопровождении Мурата и Сергея Блюмера. –

Ранен что ли?

– Все нормально. Ударило только чем-то, – успокоил я приятеля.

– Вечно тебя угораздит! Причем под самый конец, – прошипел Загребельный и тут же приказал своим помощникам: – А ну, забирайте полковника. Будем закрывать ворота.

Глава 4

Мы стояли на краю стены и молча глядели на мертвый город. На этом же самом месте я находился два дня назад, когда мы все вместе отбивали штурм наползавших на колонию полчищ. Два дня... Прошло только два дня, хотя мне почему-то казалось, что минула целая вечность. Вон и здания на противоположной стороне Можайского шоссе совсем обветшали. Их стены заметно потемнели, из серых стали почти что черными.

Не соглашаясь с самим собой, я отрицательно покачал головой. Выдумываешь ты все, уважаемый Максим Григорьевич. Померещилось тебе. За два дня серьезных изменений произойти просто не могло. За это время даже ни одного кислотного дождя не было. Так что царящие вокруг кладбищенские серость и тоска они только у тебя в башке. И причиной этому та напряженность, которая царит сейчас в отношениях двух людей, когда-то поклявшихся друг другу в вечной дружбе.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – пожилой майор милиции по имени Анатолий Нестеров первым нарушил молчание.

– Пожалуй, ничего, – я продолжал задумчиво глядеть на погибший город.

– Ну и правильно, – согласился Нестеров. Затем он секунду подумал и добавил: – Я бы, наверное, тоже выбрал девчонку.

– Вас двоих мне было не спасти. И я посчитал, что у нее больше шансов, – я не оправдывался, я просто вспоминал.

– Знаешь, а меня даже гордость прошибла, – неожиданно заявил милиционер, и я почувствовал, что он улыбнулся. – Нет, не за тебя, не надейся. Когда злость внутри перекипела, подумалось какой же я все-таки молодец! Получается, что без всякой посторонней помощи выкарабкался из лап смерти, оттуда, откуда не смог вырваться никто другой. Совсем неплохо для старого мента!

– Неплохо, – согласился я и не стал напоминать Анатолию, что без моей помощи он бы так и остался лежать в глубоком, наполненном трупами и ядовитыми испарениями подвале.

Нестеров как бы не расслышал моих слов и продолжил, обращаясь больше к самому себе:

– Теперь бы еще выбраться из всего этого дерьма.

Да уж... Я прекрасно понимал, что дерьмо тут конкретное. Опасаясь нового штурма, Крайчек увел жителей поселка на запад. Они погнались за призрачной мечтой, именуемой «Плавучий город», мирно покачивающийся на волнах где-то у побережья Финляндии. Одиноцвы сделали свой выбор, спасительный для подавляющего большинства и смертельный для нескольких десятков раненых, которые не смогли отправиться в путь.

– Толя, почему ты не ушел вместе с Крайчком? – Я глянул в глаза майору. – Ты ведь вполне прилично держишься на ногах.

– Это мой город, – не задумываясь, ответил Нестеров. – Я здесь родился, здесь хочу и помереть. Да еще и раненные... Кто же им поможет, если не я, человек, знающий всю округу как свои пять пальцев?

Честно говоря, примерно такого ответа я и ожидал, а спросил скорее чтобы уловить настроение Анатолия. Готов ли он изо всех сил сражаться за себя и своих людей или это все лишь благородный жест отчаяния – помирать, так всем вместе. Как выяснилось, боевой дух в груди старого милиционера был по-прежнему силен.

– Оружием, я так понимаю, вы обеспечены? – теперь я решил выяснить состояние местного арсенала. Боевой дух это, конечно, хорошо, но еще лучше, когда в комплекте с ним идут автоматы и пулеметы.

– Стволы и боеприпасы пока имеются, гранаты тоже. Крайчек просто физически не смог все унести. Да и спешили они очень. Брали только самое необходимое.

– Идиоты! – само собой вырвалось у меня. – Я же говорил Томасу, что у него в запасе имеется целых два месяца. Если уж надумали уходить, то это можно было сделать без спешки. Да и раненные вполне успели бы оклематься. Не пришлось бы бросать их здесь, практически на верную смерть.

– Ты же не сказал, откуда у тебя такая информация, – разъяснил ситуацию Нестеров. – А учитывая тот факт, что вас выдворили из поселка, существовала довольно большая вероятность, что вы намеренно подсовываете нам липовые сведения, желаете поквитаться.

Услышав эти слова, я аж заскрежетал зубами от злости:

– Неужели ты, Крайчек, Нина, Горобец... Неужели все вы могли так подумать?!

– Я не верил, Нина тоже... – понизив голос, признался майор. – Остальные колебались, но их убедили.

– Кальцев, заместитель твой, небось постарался? – прорычал я. – Встречу суку, убью!

– Ну почему же... Вам не доверял не только один Кальцев.

– А кто еще?

– Тебе так важно этот знать?

– Скорее интересно. Конечно не со всеми я в десна целовался, но врагов точно не заимел. И вдруг такое... – я скорчил гримасу отвращения. Подобное отношение к моей персоне казалось тупостью и нелепостью.

– Не думаю, что мнение Кальцева и Скубы касается тебя лично, – Нестеров отрицательно покачал головой. – Вы ведь и знакомы-то были едва-едва. Скорее они рассматривали чисто гипотетическую возможность мести с вашей стороны. Подстраховывались, не хотели ошибиться.

Скуба... Скуба... Скуба... – повторил я про себя слегка подзабытую фамилию. Как-то эта темная личность выпала из поля моего зрения. Столько всего приключилось, что думать об одноглазом прототипе Главного не было времени. А может зря? Кто он такой этот лесник? Зачем притащился в Одинцово? При нашей встрече у меня мелькнула мысль, что он агитатор... ну, или если хотите, вербовщик. Что его послали хозяева «Плавучего острова». Так ли это на самом деле? И так ли хорошо и безопасно на Балтике, как он рассказывал? Я почесал затылок. Надо будет грузонуть данной темой одного знакомого подполковника ФСБ. Это его специальность, пусть пораскинет мозгами.

Только я подумал о Лешем, как тут же заметил его мощную широкоплечую фигуру. Загребельный шагнул на стену номер шесть через основательно расширенную балконную дверь третьего этажа жилого дома. Эта двенадцатиэтажка как и семь других окрестных домов входила в состав периметра. Здание являлось крайней угловой точкой огромного прямоугольника оборонительных сооружений и смотрело на юго-восток, прямо на кольцевую развязку Можайское шоссе – улица маршала Неделина. Важнейшее стратегическое направление. Именно с этой стороны и была предпринята последняя, пожалуй, самая опасная атака на поселок. Не удивительно, что Леший решил посетить оборудованный на крыше наблюдательный пункт и оттуда как следует осмотреться.

Вволю налюбовавшись окрестностями, он наконец спустился на стену. Направляясь к нам, Андрюха еще раз глянул на город, правда, в отличие от меня, в его взгляде не было ни проблеска лирики, один пристальный, выверенный и взвешенный практицизм. Им же оказались наполнены и слова подполковника:

– С этой стороны все чисто.

– А что с севера? – в голосе Нестерова звучали тревога и неуверенность.

– Мы прошли до улицы Жукова, кентавров нет. Ушли.

– Но они в любой момент могут вернуться, – продолжал сомневаться милиционер.

– Майор, нам нужен этот БТР, – жестко и требовательно произнес Леший.

– Не должны они вернуться, – я поддержал Загребельного. – По нашим сведениям...

– По вашим сведениям?! – фыркнул Анатолий. – Ты говорил, что в ближайшие два месяца атак больше не будет. А что же, позвольте спросить, мы наблюдали всего пару часов назад?

Хороший вопрос. Как говорится, прямо серпом по яйцам. Попробуй, ответить на такой... Я попробовал:

– Это была какая-то... – пришлось потратить пару секунд на поиск подходящего определения, – какая-то аномалия, что ли.

– И причину этой аномалии ты конечно же знаешь? – Нестеров выжидательно на меня уставился.

– Увы, не знаю, – пришлось бессильно развести руками.

– Прекрасно! – милиционер хотя и улыбнулся, но и коню было понятно, что ему сейчас совсем невесело. – Допустим, разберем мы баррикаду на Южных воротах, а кентавры тут и пожалуют.

– Не скрою, шансы на такую неприятность остаются, – согласился Леший. – Но давайте подойдем к делу с другой стороны. К примеру, сможем ли мы остановить эту атаку и продержаться пока ограждение не будет восстановлено? – Загребельный задал вопрос и сам же на него ответил. – Сегодняшний бой показал, что да. Крупных сил противник собрать не успеет, так что полтора десятка стволов должны справиться. Кроме того на подступах к воротам растяжек можно понатыкать. Они зверье будь здоров останавливают.

Нестеров надолго задумался, а когда вновь поднял на нас глаза, то спросил:

– Куда вы собираетесь ехать, когда откопаете машину?

– Есть одно дело... – я мельком переглянулся с Андрюхой. – Несколько странное дело... Оно больше походит на самоубийство.

– Исчерпывающий ответ, – улыбнулся майор. Затем он в сердцах махнул рукой. – Эх, ладно. Разрешу вам ломать периметр, но только при одном условии.

– Каком?

– Пообещайте, что перевезете раненых в Подольск.

– Да мы уже и сами думали... – начал было я, но Нестеров решительно перебил.

– Так какого рожна тянете? День-то не резиновый. Живо приступайте к работе!

Когда из-под груды кирпичей, досок и кусков старого железа показалась башня моей «восьмидесятки», я едва не прослезился. Грязная и ободранная, с битыми смотровыми приборами, расплюснутыми пусковыми установками «Тучи» и погнутыми пулеметными стволами. В моем восприятии БТР сейчас был трупом родного человека, который эксгумировали в присутствии близкого родственника, меня, значит. Чтобы с чувствительным свидетелем не случился сердечный приступ, его само собой не допустили к могиле, а лишь разрешили смотреть издали. Высоты восьмиметровой оборонительной стены для этого вполне хватило. Отсюда не видно крови и не слышно ужасной трупной вони.

Я вдруг понял, что это не только ассоциации или всякие там метафоры, рожденные в моем, наверное, уже немного подвинутом мозгу. Это правда, это страшная реальность. Ведь там, на броне...

– Осторожней, мужики! – мои мысли прервал прозвучавший внизу возглас Лешего.

– Кто-нибудь, принесите брезент, – это был уже голос Кости Соколовского.

Я увидел как один из Одинцовцев, тот, что ближе других стоял к краю баррикады, спрыгнул на землю и потрусил в сторону мастерских. В это время Загребельный и Соколовский вытянули ножи и стали резать веревки, которыми к крыше БТРа был надежно привязан бурый, приплюснутый, словно измазанный в солидоле, сверток или мешок. Только очень присмотревшись в нем можно было узнать человеческое тело.

– Эх, Лёха-Лёха... не повезло тебе, брат, – простонал я, вспоминая улыбающееся лицо пулеметчика. – Очень многим в тот день не повезло...

Когда принесли брезент, бойцы аккуратно переложили на него останки погибшего товарища, а затем спустили с баррикады и отнесли подальше. Потом его похоронят, ну а сейчас лучше не слышать этот тошнотворный запах разложения, запах гибели.

Видать отвратный лик смерти подействовал не только на полковника Ветрова. Все, включая моих напарников – автоматчиков, засевших на стене номер шесть, заметно занервничали. День уже давно перевалил за полдень, а заветный БТР-80 все еще оставался в каменном плену. Но добыть его оттуда это только пол дела. После этого еще следовало восстановить барьер, защищающий нас от визитов разнообразной хищной нечисти.

– Полковник! – неожиданный окрик заставил меня вздрогнуть, и не мудрено. В своих мыслях Максим Ветров уже начинал бой с наползающими из сумрака бестиями.

– Чего тебе? – я встал с небольшого кирпичного штабеля и поглядел на мощную фигуру Загребельного, стоящего на практически очищенной крыше бронетранспортера.

– Если разобрать завал только позади БТРа, ты сможешь его выдернуть? Задним ходом? Иначе... – подполковник невесело покачал головой. – Иначе до ночи прокопаемся.

– Только позади...?

Я призадумался, вспоминая чем именно завалили мою машину в тот самый день, когда она своей бронированной грудью закрыла поселок от неистовой атаки кентавров. Вроде сперва кидали только кирпичи из тех штабелей, что были приготовлены для достройки Южных ворот. Это уже потом в ход пошли части строительных лесов, металл с разобранных гаражей и оборудование, доставленное из мастерских. Очень хорошо. Значит чего-то объемного, способного намертво заблокировать колеса, в основание баррикады не запихнули. Так что вполне может и получиться.

– Попробуем! – я не стал более раздумывать. – Разбирайте! Я уже иду!

Прежде чем покинуть огневую позицию на стене номер шесть, я наклонился, обнял за плечи и поцеловал в висок сидящего рядом бойца:

– Я пошел, Лизок. А ты тут держи оборону, как говорится, за себя и за того парня.

– Тебе помочь спуститься? – девушка сделала попытку подняться.

– Не надо, – остановил я ее. – Я почти в порядке. Кроме того не по лесам полезу, а через дом, по лестнице.

– Только лифт не вызывай, – сострил какой-то мужичок с перебинтованными ногами, сосед Лизы с другой стороны. – А то долго ждать придется.

– Не волнуйся, я грамотный. Когда поднимался, видел табличку «Лифт на ремонте», – без всякой злобы отшутился я, прекрасно понимая, что люди, которые вот уже пятый час ожидают вражеской атаки, просто должны время от времени выпускать пар.

Внутри здания царил серый пыльный полумрак. Я оставил за спиной одну из квартир и, шагнув за ее порог, оказался на лестничной площадке. Маленькие окошки здесь и раньше-то не особо способствовали подобающему освещению, а уж теперь-то, в эпоху «Большой мряки», когда небо надежно зашторено гардинами из плотных серых облаков, и подавно. Короче, интим обеспечен.

Проходя мимо лифта, я улыбнулся. Естественно, никакой таблички тут не было, а вот аккуратная надпись «Без парашюта не входить!», выведенная черным маркером прямо на пластике двери, присутствовала. Вообще в подъезде было полным-полно всяких изречений и довольно похабных рисунков. Эпоха всеобщей грамотности не прошла для нашего народа даром. Он так завелся, что не мог остановиться даже теперь, когда ценителей этого творчества явно поубавилось, разве что если авторам везло и удавалось отыскать козырное местечко, куда все еще время от времени забредали люди. Здание, которое являлось частью периметра, для этого годилось как никакое другое.

Не скажу, что по мере спуска меня уж очень занимало чтение адресов побывавших здесь людей, их сердечные излияния, выраженные в классической форме «Маша + Витя...», а так же разглядывание неумелых карикатур, изображающих большинство жизненных форм из новейшей истории Земли. Однако кое-какие надписи все же заставляли на мгновение замедлить шаг. Вот в штукатурке глубоко выцарапана строка, очень подходящая на какое-то библейское изречение: «Спаси если не тело, то душу...». Рядом менее напыщенный и куда более легко выполнимый совет: «Трахай все, что движется». Целая серия рисунков под надписью наглядно объясняла как именно это следует делать.

Двумя пролетами ниже я обнаружил столбик стихов: «Зачеркнуть бы всю жизнь, да сначала начать...». По-моему это был Есенин, хотя могу и ошибаться. Не был я большим знатоком поэзии. Хорошие стихи мог слушать сколько угодно, но только вот имена авторов в голове почему-то не держались.

Находясь под впечатлением, вернее окунувшись в воспоминания, которые неожиданно-негаданно нахлынули от только что прочитанных строк, я спустился на первый этаж. И вот тут-то замер как вкопанный. Прямо передо мной на квадрате стены, освещенном падающим из окна снопом света, поблескивала большими печатными буквами темно-красная надпись. Всего три размашисто, будто в спешке написанных слова: «Помни о кораблях». Вроде бы ничего не значащая фраза, и ко мне она никакого отношения не имеет. Написал какой-то моряк смерть как тоскующий по морю. Но только вот почему я уже целую минуту стою здесь и как заклинание повторяю: «Помни о кораблях»? Что это за надпись? Что в ней такого? Кто написал? Когда?

Словно пытаюсь ответить на последний из своих вопросов, я подошел к стене и прикоснулся к первой букве. Палец слегка прилип к краске, а когда я оторвал его, оказался измазанным в красную субстанцию. Субстанция... Именно субстанция. У меня язык не поворачивался назвать это краской. Скорее... Цирк-зоопарк, да это действительно походило на кровь. Достаточно свежую, не успевшую еще до конца свернуться кровь.

Первым моим порывом было облизнуть палец и попробовать ее на вкус. Но я вовремя одумался. Мало ли чья это кровь. Ну и что, что она красная. У некоторых тварей в венах течет такое, что... Стоп! – Приказал я самому себе. Что это ты, Григорич, понавыдумывал? Откуда здесь взялась крови, да еще свежей? Краска это. Понял, краска! Так что засунь куда подальше эту свою идиотскую фантазию и шуруй заниматься делом.

Точно... Заниматься делом... Я вспомнил о БТРе, о том, что меня ждут и устыдился своей мнительности и впечатлительности. Повернулся к выходу из подъезда, сделал пару шагов, но все же не удержался и оглянулся назад. «Помни о кораблях», – прочитал я в последний раз странную надпись. Что же это все-таки могло значить? Так и не отыскав ответа, я пожал плечами и резонно рассудил, что неизвестный автор обращался явно не ко мне.

Прохладный ветер и дневной свет быстро отогнали все посторонние мысли. Осталась лишь одна, главная – каким таким макаром вырвать бронетранспортер из каменных тисков?

Когда я подошел к воротам, то понял, что времени поразмыслить у меня будет предостаточно. Завал позади БТРа разобрали только наполовину. Загробельный и Нестеров, рыча и матерясь, ворочали камни, бревна и листы железа, заодно подгоняя своих взмысленных подчиненных.

Глядя на милиционера я немало удивился. Цирк-зоопарк, человек только-только выкарабкался с того света, а как работает! Майор иногда хватался за такие предметы, которые были не под силу даже здоровяку Лешему. И самое удивительное, что он их поднимал, выдергивал из тела баррикады и отшвыривал прочь. Правда, справедливости ради следует отметить, что потом Анатолий долго отдувался. Но черт побери, от этого его трудовые подвиги выглядели ничуть не мельче.

Само собой, оставаться в стороне и безучастно взирать на то, как надрываются мои товарищи было просто невозможно. Тогда я повесил автомат за спину и принялся как мог помогать. За большие и тяжелые предметы, естественно, не хватался, а вот кирпичи мне были вполне под силу. Глядя на эти старания, Леший ничего не сказал, только лишь неопределенно покачал головой. Зато милиционер поинтересовался:

– Ну, ты как? В порядке?

– Нормально.

Я был благодарен Анатолию за этот вопрос. Все-таки в нем содержалось не только недоумение, а еще и беспокойство за раба божьего Максима. Данный факт вселял надежду, что, может быть, когда-нибудь мы снова сможем назваться друзьями.

Как ни странно мое появление привнесло в коллектив некое спокойствие и уравновешенность. Дальше работали молча, размеренно и слаженно, как хорошо отрегулированная машина. Результат этого не замедлил проявиться. Где-то минут через тридцать на свет показалась заслонка водометного двигателя. А за следующие четверть часа мы, наконец, высвободили задние колеса.

Глянув на правую шину, я сокрушенно вздохнул. Вся она была в глубоких рывинах и порывах, из которых торчали нити стального корда. Выюнок, гад, постарался! Именно от цепкой хватки его вредоносных щупалец и остались эти отметины. Хорошо, что повреждено только заднее колесо, которому сейчас не предстояла жестокая схватка с горами острых камней.

– Все, Максим, пора пробовать, – Леший похлопал меня по плечу. – Давай, танкист, заводись!

– Угу, – я кивнул и, даже не поглядев на приятеля, полез на спину своей старой боевой машины.

В уме я перебирал проблемы, которые могли возникнуть. В каком состоянии двигатель? Подвеска... Как перенесла она схватку с многотонным весом баррикады? И только последним в этом списке стоял вопрос преодоления завала. Сперва завестись, стронуться, а уж там будет видно.

Попасть внутрь бронетранспортера сейчас было возможно только лишь через два десантных люка, расположенных позади башни. Слава богу, они не были заперты изнутри. Когда мы в спешке покидали БТР, естественно, никому даже в голову не пришло это сделать. Я с ходу кинулся к тому из них, что находился справа. Протянул руку к рукояти на прямоугольной крышке да так за нее и не ухватился. Сам люк и часть бронированной крыши вокруг него оказались покрыты отвратной слизистой пленкой. Местами она была прозрачной, а местами уже взялась мутными грязно-серыми разводами.

До меня мигом дошло что это такое. Цирк-зоопарк, здесь лежало тело пулеметчика, и броня «302-го» оказалась измазана в продукты разложения, которыми истекало его мертвое тело. В подтверждение этому я почувствовал запах. Ветер на мгновение стих, как бы специально предоставляя мне возможность окунуться в океан тошнотворных испарений.

Черт побери, как быстро сейчас трудятся гнилостные бактерии! Словно весь воздух нашей планеты это для них благодатная питательная среда. Остается лишь дожидаться, когда в него впрыснут катализатор под названием смерть. Вот тут-то и начинается пир!

Я вздрогнул, будто каждой клеточкой своего организма почувствовал присутствие смертоносных микроорганизмов. Победить их не так легко. Да какой там нелегко? Практически невозможно! Существует лишь одно средство – повернуть время вспять, возродить нашу планету. Как когда-то говорил мистер Крайчек в одной из своих пропагандистских речей: «...согретая солнцем, вычищенная соленым морским ветром, напоенная ароматом целебных трав...». Хорошо сказал, мерзавец! Все это так и представилось. За все это сразу захотелось бороться.

Проклинаю себя за преступное промедление, я ринулся ко второй бронированной двери. Распахнул ее и тут же сиганул вниз. Во время этого чересчур резвого спуска ударился боком о край люка. Боль в еще не до конца сросшихся ребрах заставила тело изогнуться и мелко задрожать. Скрипя зубами, я перетерпел приступ и уже более осторожно полез в водительское отделение.

Внутри БТРа я почувствовал себя дома. Это был мой мир, на сто процентов понятный, проверенный и надежный, согретый жаром мотора, продезинфицированный металлом, наполненный целебным ароматом пороха и солярки. В этом мире богом был я, и он крутился в ту сторону, в которую я пожелаю, жил по установленным мною законам.

Законы были немудреные, но требовали четкого и неукоснительного исполнения. Именно повинувшись им я и стал действовать, готовя двигатель к пуску. Перво-наперво переключился на правый топливный бак. Насколько я помнил, он был залит под завязку, в то время как в левом уже почти ничего не оставалось. Решил что окончательно осушу его как-нибудь потом, когда момент будет не столь ответственным. После этого подключил аккумуляторные батареи и генераторы. Не забыл прокачать топливную систему ручным топливоподкачивающим насосом, и только после этого, поудобней устроившись в водительском кресле, выжал до отказа педали сцепления и подачи топлива.

Когда протягивал руку и вдавливал кнопку «стартер», я словно совершал магический ритуал, заклинал холодную мертвую материю, вызывал ее к жизни. Двигатель должен запуститься. Он не может не запуститься, ведь этого требует полковник Ветров – человек, который своими руками перебирал его, весь, до последнего винтика, холил и лелеял как арабского жеребца за миллион баксов.

Стартер крутил нормально, но дизель молчал. Только после отведенных инструкцией пятнадцати секунд в цилиндрах послышались первые вспышки. Конечно, логично было бы не насиловать далее машину, а обождать минуту-другую, и уже затем повторить попытку, но в меня вдруг вселился страх. Показалось, что если я не запущу мотор сейчас, то не запущу его никогда. Именно поэтому палец уверенно продолжал давить и давить на небольшую круглую кнопку.

– Заводись, родная! – буквально молил я.

Где-то не тридцатой секунде, когда, подчинившись разуму, я все же решил прекратить издевательство над техникой, на смену ритмичному стрекотанию стартера наконец пришло басистое, с некоторой простуженной хрипотцой рычание.

Фух, порядок! Из моей груди вырвался вздох облегчения. Благодаря за службу, я погладил БТР по приборной панели. Когда двигатель прогрелся выше сорока градусов, пару раз надавил на педаль газа, вслушиваясь, как он набирает обороты. Вроде все нормально. Вот именно теперь настало время выяснить, не отвалятся ли у меня колеса при первом же рывке.

Прежде чем коснуться рычага переключения передач я развернулся на сидении, запустил руку в прикрепленную за спинкой сумку и вытянул оттуда старый танкистский шлемофон. Новый пропал вместе со всеми остальными вещами, когда я гостил у кентавров, а вот этот, хранившийся только потому, что было жалко выкинуть, уцелел. Я надел шлемофон и тут же ощутил какая мягкая и приятная у него подкладка, как она отдает легким запахом курева и тройного одеколона. Сразу почувствовал себя малость поспокойней и вместе с тем порешительней. Наверное это свойство всех старых, верой и правдой служивших нам вещей. Слышал когда-то, что спортсмены на самые ответственные старты старались одевать свою старую «боевую» форму. Она не только не давит и не жмет, она придает уверенность, напоминает, что месяцы тренировок не прошли даром, что ты готов, что ты это можешь.

Вот как раз сейчас именно такой случай. Старт ответственной некуда. И тебе уважаемый Максим Григорьевич придется продемонстрировать все свое мастерство.

– Хватит тянуть! – приказал я себе, – Поехали!

Я включил заднюю передачу и аккуратно попытался стронуться. Машина дернулась, но так и осталась стоять на месте. Кроме скрежета трущихся о резину и броню кирпичей других звуков слышно не было, ничего не хрустнуло, не затрещало. Не плохо для начала. С души свалился огромный камень. Надежная торсионная подвеска выдержала выпавшие на ее долю испытания. Ну, а если такая великолепная машина цела и исправна, то грех не использовать все ее замечательные возможности.

Во время следующего предпринятого мной отчаянного рывка БТР ревел мотором и судорожно маслал проскальзывающими колесами, но с места почти не двигался. Еще одна, третья по счету попытка оказалась не намного удачнее двух предыдущих. Что-то не пускало, что-то надежно держало машину в каменной ловушке.

Именно когда я раздумывал об этом, в люк над моей головой настойчиво забарабанили. Я привстал и открыл крышку. Ну, конечно же, это был Леший.

– Ты чего остановился?! – прокричал подполковник. – Давай! Осыпаются ведь! Вон, уже пол морды освободил. Даже крышки смотровых люков теперь можно открыть.

Я немедленно последовал совету приятеля и открыл крышки. Внутри кабины тут же ворвался дневной свет. Однако от него я даже не зажмурился. Странные фокусы выкидывают мои глаза. А может дело вовсе не в глазах? Может это сам свет? Он уже не такой яркий, и это первый звонок, первый намек на приближающиеся сумерки.

– Андрюха, держись! – прокричал я и вновь заставил мотор взрывать.

На этот раз я применил новую методику. То рвал вперед, то сдавал назад, пытаюсь раскачать, расшатать машину, словно это был ржавый гвоздь, плотно засевший в старой доске. Что из этого выходило, было видно плохо, но наблюдатель у меня над головой все подначивал и подначивал:

– Давай-давай! Кажись, получается! Еще чуток и пойдет!

Цирк-зоопарк, ну когда же пойдет? Я злился на БТР, на Лешего и на самого себя.

– Пошла, родимая! – вдруг громко завопил Загребельный. – Поддай газку, Максим!

Мне ничего не оставалось как послушаться. Мотор взревел как сумасшедший, бронетранспортер заходил ходуном, снаружи послышался оглушительный грохот, визг и скрежет. Что там происходило я так и не понял, но только баррикада впереди начала удаляться. Машина, покачиваясь, медленно отползала назад.

Глядя на два взрывчатых разорванных колеса, я сокрушенно покачал головой.

– Кто ж знал, что там железобетонные балки, да еще и арматура из них торчит? – пожал плечами сконфуженный Леший. – И когда только эту дрянь успели туда скинуть? Я, по крайней мере, не видел.

– Бой был, – напомнил я. – Ты что, сильно обращал внимание из чего строили баррикаду?

– Вообще не обращал, – признался Загребельный.

– Так чего ж треплешься тогда?

– Сказать то чего-то надо. Отмазаться. А то ты сейчас на меня с кулаками кинешься.

– Не кинусь, – пообещал я. – Самому думать надо было, когда этот скрежет пошел. Может тогда бы только одним колесом поплавились.

– На двух доедем? – поинтересовался мой приятель.

– Зачем же на двух? – я почесал затылок. – Переставлю одно с левого борта. По три получится с каждой стороны. На трех доедем.

– Тогда начинай, – Леший глянул на часы. – А мы тем временем строительством займемся, время-то поджимает.

– Чаусова ко мне пришли, – потребовал я. – Мне сейчас колеса ворочать, откровенно сказать, не по силам.

– Ладно, пришлю, – пообещал подполковник, явно расстроенный утратой такого ценного работника.

На месте Лешего я бы не жался и отдал в мое распоряжение не одного морпеха, а еще как минимум человека два. Баррикада ведь теперь не главное. На кой черт ее строить на века! Этому редуту Одинцовской обороны, как впрочем и самому поселку, осталось продержаться всего один день. А вот БТР... Сейчас «302-ой» это самая большая, если не единственная наша надежда.

Глава 5

В убежище теперь было далеко не так спокойно и уютно как прежде. Оставшийся без топлива, дизель-генератор молчал, а, стало быть, об электричестве можно было забыть. В столовой горели лишь пара керосиновых ламп, да пяток масляных коптилок. Собственно говоря, и сама столовая уже не походила на тот зал, где обычно собиралась шумная толпа поселенцев, где стоял гул сотен голосов, звучали шутки и смех, разгорались жаркие споры. Она превратилась в мрачную вонючую пещеру, своды которой тонули во мраке. Почти все столы и стулья были сдвинуты к стенам и для пущей экономии места поставлены один на другой. Освободившееся пространство, которое по большей части примыкало к проходу на кухню и коридорам, ведущим в жилые помещения, было занято лежавшими прямо на полу матрасами, подушками и прочими частями от мягкой мебели. На них сидели и лежали люди. Практически все они были перемотаны окровавленными бинтами, подвязаны самодельными шинами. Полумрак и неверный трепещущий свет делал всех кто находился в убежище участниками какого-то жуткого спектакля, повествующего то ли о конце света, то ли куда хуже – о самой преисподней.

Подавленный этим зрелищем, я тихо спросил:

– Сколько человек осталось в поселке?

Нестеров медленно и устало повернул ко мне голову:

– Тридцать шесть раненых и шестеро здоровых, включая меня. – Милиционер тяжело вздохнул. – Еще утром раненых было тридцать восемь, но мне сообщили, что двое уже умерли.

– Почему вместе с Крайчком не ушли здоровые люди? – поинтересовался слышавший наш разговор Загребельный.

– Есть пара придурков типа меня, – Анатолий грустно усмехнулся. – Остальные родственники раненых.

– Все люди здесь, в этом зале? – уточнил подполковник.

– Да, здесь, – майор кивнул. – Перебазировали санчасть в столовую. Так удобней. Все вместе, все на виду. Рядом еда, вода и отхожие места.

– И выход, – встрял в разговор Костя Соколовский.

– И выход, – согласился Нестеров.

– Кстати, насчет выхода... – Леший резко обернулся к капитану. – Костя, пока еще не расположились на ночлег, надо кое-что тут модернизировать.

По усталому лицу Соколовского пробежала болезненная волна, но Загребельный ее словно не заметил.

– Входную дверь видел? – продолжил он. – Это не дверь, а ворота прямо какие-то, да к тому же весьма хилые. Так что возьми ребят, и завали их как следует.

– Нормальная дверь, подполковник. Чего ты... – начал было милиционер, но Леший не дал ему договорить.

– Это когда она внутри освещенного и охраняемого периметра была, тогда да... тогда нормальная. А вот сейчас... – Окончание фразы Загребельный заменил на сокрушенное покачивание головой.

– Делайте как хотите, – сдавшись, махнул рукой Нестеров и тут же проворчал себе под нос: – От больной головы ногам покоя нету.

Анатолий обессилено пожал плечами и поплелся к старому обшарпанному столу, на котором стояла большая масляная коптилка, сделанная из стеклянной пол-литровой банки. Глядя ему вслед, я подумал, что майор очень устал. Пятьдесят пять лет плюс недавно перенесенная... Как бы это так лучше выразиться? Довольно близкое знакомство с призраком. Да уж... Анатолий держится на ногах только благодаря невероятно сильному чувству долга и пролетарской злости. Как тогда... в ангаре, где мы с ним прятались.

Завязнуть в воспоминаниях мне не дал голос Соколовского:

– Я пошел, товарищ подполковник. – Костя уже хотел повернуться, но на секунду притормозил. – Андрей Кириллович, вы разузнайте тут, пожалуйста... Может пожрать у них чего найдется? Вкалывали ведь как лошади. А попрыгунчик, он уже того... давно переварился.

– Я узнаю, Костя, – пообещал Леший.

Мы разошлись в разные стороны. Константин отправился поднимать людей, а мы с Лешим на негнущихся ногах подковыляли к милиционеру. Нестеров сидел за столом. Он сложил руки перед собой и уткнулся в них лбом. На мгновение даже показалось, что пожилой одинцовец уснул.

– Э... милиция, подъем, экстренный вызов, – Загребельный не стал церемониться.

– Чего еще? – пробубнил майор не поднимая головы.

– Хотели узнать. С оружием у тебя воде как порядок, а вот как насчет харчей?

– На кухне... Все, что есть... – голос Анатолия стал еще на пол тона тише, и я понял, что он и в самом деле отключается.

Проявить заботу об одинцовском ветеране мне не дал Леший. Он остановил мою руку, протянутую к плечу Нестерова, и отрицательно покачал головой:

– Оставь.

– Его лучше уложить.

– Оставь, – повторил подполковник. – Сперва накормим, а то утром у него сил и вовсе не будет.

Резонно. Мне ничего не оставалось как согласно кивнуть головой.

На кухне оказалось гораздо темнее, чем в общем зале. Свет исходил лишь от одной масляной коптилки да от грубо сваренной железной плиты, заслонка на которой оказалась распахнутой настееж. Сразу стало понятно, что здесь уже кто-то хозяйничает. Но только вот кто? Мы с любопытством огляделись по сторонам. Из мрака выглядывали стеллажи с кастрюлями, жаровнями и сковородками, разделочные столы, какие-то шкафчики, похоже взятые от обычных кухонных гарнитуров, мойка, емкости с водой, по углам грязные картонные коробки и засаленные мешки. И ни единой живой души.

– Кто-то должен был разжечь огонь и поставить на плиту кастрюлю, – Леший кивнул на уже начинавшую парить двадцатилитровую алюминиевую емкость с полустершейся надписью «салаты».

– Согласен.

Я отыскал большую крышку и накрыл кастрюлю, закипит быстрее и парить не будет. А то тут и так дышать нечем. То что на кухне стоял спертый тяжелый дух, наполненный дымом, влагой, запахами прогорклого жира и гнили, это была истинная правда. Единственный плюс, который я обнаружил, так это то, что здесь было тепло.

– Ладно, – принял решение Загребельный, – начнем тут кашеварить, а нагрянут помощники... что ж, милости просим. – Подполковник бросил вещмешок и автомат на один из разделочных столов.

– В наряде по кухне я уже лет так двадцать семь как не бывал, – я устало усмехнулся.

– Это ты намекаешь, что жрать готовить не умеешь? – сделал вывод Леший, снимая бронжилет, а затем и камуфлированный бушлат.

– Все зависит из чего готовить. Суп из топора у меня получается отменный, – я последовал примеру приятеля. Повесил автомат на вделанный в стену крюк и стал расстегивать телогрейку.

– Сейчас поглядим, что тут у нас имеется в наличии, – Леший принялся за ревизию местных запасов и жестом пригласил меня ему помочь.

Буквально через пять минут мы поглядели друг на друга с некоторым недоумением, которое все больше и больше пропитывалось горечью и возмущением.

– Здесь почти ничего нет, – я первым обрел дар речи.

– Крайчек им ничего не оставил, – подполковник ФСБ более точно обрисовал ситуацию. – Только соль и немного перловки.

– Может в подвале... – начал было я, но осекся, видя как Андрюха отрицательно покачивает головой.

Несколько минут мы молчали. Булькала закипевшая вода, в плите потрескивали дрова, где-то в районе главного входа слышался размеренный стук. И все... больше ничего. Только холодные атрибуты неживой материи. Это место словно само отрещивалось от людей. Все человеческое покинуло его навсегда.

– Может не стоит...? – Загребельный заговорил первым.

– Что не стоит?

– Не стоит спасать этот гребаный мир. Сдохнем, так нам и надо. Не достойны!

– Запасов провизии в Одинцово было совсем мало. Именно поэтому местные с таким рвением и принялись искать тот проклятуший магазин, – я не оправдывал Крайчека, я просто пытался поставить себя на его место.

– Поэтому они подчистую списали своих тяжелораненых? – вспыхнул Загребельный.

– Тихо ты! Чего орешь? – я рывкнул на приятеля, а сам покосился в сторону раздаточного окна. Ни к чему людям в зале слышать такие речи, такой страшный приговор.

– Я знал, что Крайчек уйдет, – продолжил Леший уже более спокойным тоном. – Знал, что оставшиеся здесь раненные обречены. Единственное, чего я не мог предвидеть, так это то что они умрут от голода. Вспомни, Максим, ведь всегда так было, если ты оставляешь раненого товарища, то отдаешь ему все: оружие, еду, одежду. А сам уж перебеешься, сам уж как-нибудь... Возможно это глупо, бессмысленно и нелогично, но это по-человечески. Ты оставляешь товарищу не только все эти вещи, ты даришь ему надежду. А как поступили эти... – тут Загребельный запнулся, захлебнувшись гневом. Когда приступ ярости прошел, он с горечью добавил: – А мы ради них еще жизни свои ложить собирались. Нет уж, всех на удобрение!

– Ишь ты, разошелся, – сердцем я чувствовал правоту приятеля, но умом понимал, что не все так просто. – Крайчек хотел увеличить шансы идущих с ним людей. Они могли не найти пропитание.

– Они здоровы, сильны и до зубов вооружены, прокормились бы одной охотой.

Едва Леший произнес это, как в дверь кухни ввалились две взмыленные личности. Одна женского пола лет восемнадцати, другая мужского, не старше пятнадцати. В руках и у первой и у второй были грязные холщевые мешки, родные братья тех, что валялись по углам кухни.

– Здрасьте, – пролепетал Пашка. Он явно не ожидал встретить нас на кухне.

– Виделись уже, – пробурчал Леший. – Где пропадали?

– Тут дело такое... – замялся пацан.

Зная этого юного прохвоста, я сразу заподозрил, что дело нечисто.

– Что в мешках? – не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – тайна скрывается именно там.

– Тут это... – ища поддержки, Пашка покосился на сестру.

– Крестовики, – девушка собралась с духом и ответила за брата.

– Кто?! – Загребельный скривился как если бы вместо водки он всадил стакан ослиной мочи.

– Крестовики, – второй раз Лиза произнесла название тварей уже более уверенно и даже с какой-то обидой, мол, мы не оценили всю ценность и полезность их трофея.

– Где вы наловили эту гадость?

Я с отвращением вспомнил здоровенных волосатых пауков. При взгляде сверху, кажется что четыре их лапы образуют крест. Видать отсюда и название.

– Крестовиков есть, между прочим, можно, – проинформировал Пашка. – Только знать надо какие места. Не все в них ядовито.

– Рыба фугу, только инопланетного разведения, – сумничала Лиза.

– Я сейчас вам такую фугу устрою! – я прекрасно понял, что мои юные друзья потихоньку пытаются съехать с темы «откуда взялись крестовики» и пытаются заменить ее информацией «ах как вкусно!».

Загребельный тоже об этом догадался.

– За периметр лазили, – Леший даже не спросил, а просто поставил меня в известность.

– А что, лучше с голоду пухнуть? – Пашка обижено засопел. – Лизка сказала, что видела их, когда растяжки ставили. Вот мы и решили... Для всех же старались!

– Наружу? И всего вдвоем... – начал было я.

– В первый раз что ли? – Лиза очаровательно улыбнулась.

– Да там сейчас зверья... – попробовал я снова.

– Нету никого. Одна мелочевка шастает, – девушка была готова и к этому вопросу.

– А кентавры нагрянут? – в ход пошел последний аргумент.

– Поздно уже, да и не крутится она, – Лиза опустила свой мешок на пол и полезла в карман «Аляски». Оттуда она ловко выудила маленькую квадратную коробочку. Под прозрачным пластиком безжизненно повисла сделанная из искрящегося голубого металла ажурная рамка. – Видите, туннелей поблизости нет.

– Лучше тебе, Максим, у нее эту штуку отобрать, – глубокомысленно произнес Загребельный. – Спокойней будет.

Лиза тут же среагировала и спрятала приборчик за спину:

– Нет уж... подарок, а подарки назад не забирают.

Как бы стараясь выработать отношение ко всему этому безобразию, мы с Андрюхой переглянулись. Я так и не выработал, о чем засвидетельствовал беспомощно разведя руками. Глядя на всю эту сцену, подполковник от души рассмеялся:

– Чего ржешь? – я вмиг насупился.

– Будем.

– Не понял?

– Я говорю, будем спасать мир. Ради них будем, – Загребельный кивнул на сконфуженных, ничего не понимающих Лизу и Пашку. – Ради таких как они.

– Ну, слава богу, одумался, – пришел мой черед улыбнуться. – Как ты думаешь, а спасение нас от голода может стать первым шагом к спасению мира?

– Вполне, – Леший кивнул и, обращаясь к брату и сестре Орловым, приказал: – Давайте, попробуем что-нибудь приготовить. Время-то идет.

Лиза тут же спохватилась:

– Вода уже закипела? – девушка задала вопрос и быстрым шагом направилась к плите.

Я проводил ее взглядом и подумал, что она уже почти не хромает. Может помог рецепт Загребельного, понукавший Лизу не жалеть себя, не отсиживаться по углам, а постоянно тренировать, расхаживать ноги. А может... Лиза ведь тоже находилась неподалеку от Главного. Правда не так близко, как я, но все же... Его непонятная, можно даже сказать сверхъестественная энергия вполне могла подействовать и на нее.

Пока я предавался размышлениям, подполковник ФСБ принялся помогать юным охотникам, не забывая между делом расследовать все обстоятельства совершенного ими проступка:

– Вы когда ушли? – поинтересовался Загребельный, подкидывая в плиту дрова, они же куски порубленной на части мебели.

– Минут тридцать назад, – Лиза кинула в кастрюлю несколько больших ложек соли. – Тут плита не очень... Вода долго закипает. Так что...

– Тридцать минут... – Леший не дал девушке договорить. – Главные двери убежища тогда уже были закрыты.

– А мы через резервный ход, – простодушно объяснил Пашка. – Вы же помните, товарищ подполковник, вы с дядей Максимом сами им пользовались.

– Помним мы, помним, – я подтянул к плите мешок с перловкой, хотя «подтянул» это слишком сильно сказано, скорее поднес, так как крупы в нем оставалось от силы килограмм десять.

– А дальше через лаз, – по тону Лешего можно было подумать, что он разговаривает сам с собой.

– Лаз как раз с этой стороны, в здании рядом с Южными воротами, – Лиза выдала тайну, которая раньше хранилась за семью печатями. Теперь-то этот секрет уже оказался полностью бесполезным, и девушка это прекрасно понимала.

– Вот и сказочке конец, – подвел я итог допросу, так как дальше вроде все было яснее ясного.

– Не совсем.

В голосе Загребельного прозвучали грозные нотки, и Лиза, черпавшая мерной кружкой крупу, замерла в предчувствии неприятностей.

– И где только ваши головы были?! – прорычал Андрюха. – Услышь кто вашу пальбу... Весь лагерь на уши поднялся бы. А нам это надо?!

Как ни странно после этого обвинения девушка, как впрочем и ее брат, заметно расслабилась, я бы сказал, вздохнула с облегчением.

– Зачем же стрелять? – моя подруга возобновила прерванную работу.

– Как зачем? – удивился я. – А как же вы тогда этих тварей добыли?

– Крестовиков руками можно ловить, – пояснил пацан, гордый тем, что может хоть чему-то поучить взрослых дядек.

– Руками?! – по-моему, мы с Лешим задали этот вопрос одновременно.

– Ну, не совсем руками... – после того, как должный эффект был произведен, Пашка пошел на попятную. – Набросишь на них какую-нибудь тряпку... куртку или, к примеру, одеяло, крестовики сразу и замирают. А потом прямо через ткань хрясь прикладом, и готов голубчик!

– Все! – своим восклицанием Лиза оповестила, что перловка загружена. – Вариться каша будет долго, мясо добавим под самый конец, а то разварится и распадется.

Мясо? Где ж там у них мясо? – подумал я, представляя гадких волосатых созданий. Как выяснилось, вспоминать их было вовсе не обязательно. Через минуту крестовики во всей красе предстали перед нашими глазами. Развязав один из мешков, Лиза вывалила на пол пяток перемазанных в бурю кашу тарантулов.

– Фу, гадость какая! – я скривился.

– Когда желудок пустой, пойдет и такое, – со знанием дела заявила девушка.

– Никогда бы не подумал, что их можно есть, – Загребельный пнул носком ботинка ближайшую из тварей.

– Мы тоже не думали, – согласился Пашка. – Но дядя Витя Сотников научил.

При упоминании об этом человеке я вздрогнул. День нашей с ним встречи был не самым лучшим днем на моей памяти. Так уж вышло, что жизнь Виктора Сотникова оборвал я, размазав его по асфальту колесами своего БТРа. Но другого выхода не было. Я только лишь оборвал мучения несчастного.

Жуткая отвратительная сцена из прошлого словно получила свое продолжение в настоящем. Естественно не столь ужасное, как смерть человека, но не менее отвратительное на взгляд каждого кто ее наблюдал. Лиза голой рукой схватила здоровенного паука за толстую волоса-

тую лапу и подняла его с пола. Тварь размером с крупного дальневосточного краба повисла в воздухе, безвольно свесив остальные три конечности.

– Пашка, поднеси сюда коптилку, – приказала девушка.

Мальчишка со светильником в руках подошел, и Лиза начала урок зоологии:

– У крестовика самое опасное место это лапа с ядовитым шипом. Вот она, я сейчас как раз за нее и взялась. – Лиза поднесла конец волосатой конечности к свету и продемонстрировала острый, слегка изогнутый коготь сантиметра четыре длиной. – Поэтому всегда лучше держать за нее. Крестовик даже если и дернется, в смысле если он еще не до конца пришибленный, то все равно ударить не сможет.

– Этот-то, дохлый? – спросил я, беспокоясь за свою подругу.

– Этот... – Лиза подняла инопланетного паука повыше, так чтобы круглое туловище того оказалось как раз напротив ее глаз. – Этот точно дохлый.

– Дальше, – потребовал Загребельный.

Лицо подполковника выражало неподдельный интерес... и еще некоторое сожаление, может даже досаду. Я сразу смекнул, что в памяти у Лешего прокручиваются фрагменты из его героического прошлого, и подполковник очень жалеет, что тогда ничего не знал об источнике пищи под названием крестовики.

– Съедобны у них только лапы, – тем временем продолжила Лиза. – Три лапы, – тут же поправилась она. – Ту, на которой шип, трогать ни в коем случае нельзя. Внутри проток с ядом. Как ни старайся, все равно его раздавишь.

– Только три лапы... – задумчиво произнес я, намекая, что от такой дичи не очень-то разжиреешь.

– Мяса получается всего грамм триста, но это хорошее мясо.

Лиза сперва пояснила, а затем, выудив откуда-то из темноты небольшой топорик, ловко отделила три съедобные конечности. Она отшвырнула бесполезное, теперь уже одноногое туловище и стала обухом топора, словно орехи, колоть покрытые хитином лапы. Внутри каждой из них обнаруживались продолговатые кусочки белого мяса, очень похожие на давно забытый деликатес под названием крабовые палочки.

– Если в углях запекать, то надо лапы целиком ложить, а уж потом колоть и есть, – проинформировал Пашка, опуская коптилку на пол.

– Но сейчас-то мы кашу с мясом готовим, – заметила его сестра. – А значит, сперва чистим, а уж потом варим.

– Давай помогу, – предложил я и стал подыскивать на полках что-либо похожее на кухонный топор Лизы.

Не скажу, что мне очень уж хотелось копаться в паучьих потрохах, но, во-первых, долг джентльмена, а во-вторых, надо же было доказать самому себе, что я тоже могу прикоснуться к этой мерзости. Когда под руку подвернулся тяжелый хорошо оточенный тесак, стало понятно, что испытание моей выдержки начинается.

Ощущая под пальцами колючую щетину, вымазываясь в бурую жижу с резким запахом аммиака, я рубил многосуставные, как гибкая телескопическая антенна, конечности. Затем переворачивал тесак тупой стороной и крошил твердую оболочку. Хватаясь за каждую новую лапу, я заставлял себя не кривиться. После разделки третьего или четвертого крестовика это стало получаться, ну или почти получаться. Grimасу отвращения на моем лице сменило что-то совсем иное.

– Ты сейчас на маньяка похож, – пошутил Загребельный. – Такой же тупой и кровожадный взгляд. – Подполковник на пару с мальчишкой занимались тем, что ножами выковыривали мясо и собирали его в кривую, битую эмалированную миску.

– Ха-ха, как смешно, – огрызнулся я. – Ты давай, работай и не умничай.

Сказал я это так... чтобы отмазаться. На самом деле подгонять Андриюху не было нужды. Они с Пашкой трудились куда проворней, чем мы с Лизой, и в миске уже накопилось килограмма два паучьего мяса. Вот только вид и аромат у него были весьма подозрительными.

– Когда промоем от крови, почти весь запах уйдет, – Лиза перехватила мой озабоченный взгляд. – А когда сварится, вообще ничего такого не аппетитного почувствовать не будет.

– Надеюсь, – я подкинул Лешему последнюю из обработанных мной паучьих конечностей и с несказанным наслаждением наконец распрямил спину.

Пока ужин варился, у нас появилось немного свободного времени. Лиза хотела употребить его на уборку, но Загребельный не позволил.

– Незачем суетиться и попусту тратить силы, – пояснил он. – К завтрашнему вечеру здесь все равно не останется ни одной живой души. Так что и посуда, и уборка... К дьяволу их! Убежище, как и все Одинцово, это уже прошлое.

Лиза знала о наших планах по перемещению раненых в Подольск, а поэтому поняла что имел в виду подполковник и возражать не стала. Общими усилиями мы собрали очистки в мешки, сунули их в грязную миску и запихнули все это в дальний угол кухни. Авось до утра не завоняются.

Основательно вымыв руки, благо дефицита воды в убежище не наблюдалось, мы стали одеваться.

– А мне уходить нельзя, – сообщила девушка. – Кто же будет за едой приглядывать?

– И я останусь, – Пашка повернулся спиной к своим пожиткам. – Тепло тут.

На кухне стало действительно тепло, почти жарко. И эту благодать даже не мог испортить чад, который исходил от плиты. С вытяжкой явно что-то произошло, поэтому часть дыма теперь шла внутрь помещения. Он подымался к закопченному потолку, словно цеплялся за него и призрачными извивающимися червяками полз в направлении входной двери и раздаточного окна.

Я вспомнил слова Загребельного. Кажется, тот говорил, что в наглухо закрытых помещениях огонь лучше не разводить. Однако это он имел в виду костры, которые жгут всю ночь. Сейчас же огонь в плите развели только, чтобы приготовить пищу. Всего через какие-нибудь полчаса его затушат или он погаснет сам. Подумав о приближении холода, я поежился.

– Знаешь, Андрей, давай и мы останемся. Костер, хорошая компания... Что еще надо человеку? – произнося эти слова, я взъерошил Пашкину белобрысую шевелюру.

– Почему нет? – Лешего не пришлось долго уговаривать. – А ну, молодежь, сгоняйте за стульями, а то старые дядьки едва на ногах держатся.

Стоило Лизе с Павлом покинуть кухню, как я зашипел на приятеля:

– Э... ну ты, полегче с определениями. Какие же мы старые?

– Что, седина в бороду, бес в ребро? – осклабился Загребельный. – Скажи ей, что тебе тридцать, а выглядишь на полтинник потому как... – Леший прыснул и припомнил бородатую шутку: – У верблюда два горба, потому что жизнь борьба.

– Лиза знает сколько мне, – я уже и сам был не рад, что начал этот разговор.

– Тогда вообще не вижу смысла обижаться, – мой приятель в недоумении развел руками.

Когда я угрюмо промолчал, Андриюха пошел на попятную:

– Ладно уж, больше ни слова о возрасте. Обещаю. – Леший помедлил и добавил: – Только один совет...

– Ну.

– Побрейся. А то рожа у тебя, прямо как у криминального элемента с Кавказа, – название «Кавказ» Загребельный произнес с колоритным грузинским акцентом.

Вот чего-чего, а грузином меня никогда не величали. Может именно поэтому я тут же поднес руку к лицу и ощупал его словно слепец. Худые впалые скулы и квадратный, слегка тяжеловатый подбородок поросли недельной щетиной. Однако не думаю, что это уж очень

делало меня похожим на горячих горных абреков. Насколько я помнил, их основными отличительными чертами всегда были орлиный нос и кепка-аэродром.

Цирк-зоопарк, нос! Я мигом коснулся своей переносицы и обнаружил на ней хорошо прощупываемый горб. Вот блин, проклятый ФСБшник, накаркал таки со своим верблюдом. Один горб у меня уже образовался. Притом все как и говорил Леший... борьба тогда была не на жизнь, а на смерть. Я тут же припомнил часы, проведенные в плену у кентавров. Мне тогда переломали не только нос, но и ребра. А о сотрясении мозга и прочих повреждениях моего брэнного тела не стоит и вспоминать.

– А вот и мы!

На кухню протиснулись брат и сестра Орловы. Каждый из ребят тащил по два стула.

– Садись, Максим.

Лиза поставила рядом со мной просторное и удобное пластиковое кресло, такие обычно выставляли на открытых летних площадках или кафе. Остальные три стула были простыми деревянными, сконструированными без особых претензий на удобство.

– Везет же некоторым, – с наигранной завистью вздохнул Загребельный, и я понял, что он не только о кресле.

Минут пять мы сидели молча. Просто наслаждались покоем и видом весело горящего огня. Кроме этого кухня потихоньку наполнялась запахом готовящейся пищи, что само собой поднимало настроение, способствовало некоторой расслабленности и мечтательности. Нажраться и на боковую! А что, вполне приличная мечта для мира, в котором удачей уже считается дожить до следующего дня.

Все испортил Леший. Подполковник ФСБ не мог не думать о проблемах:

– Никак не могу взять в толк, почему они сегодня напали? – протянул он задумчиво.

– Ты о кентаврах? – переспросил я, с трудом возвращаясь из сладкого мира грез.

– О них, родимых. О ком же еще?

– Да, странно, – согласился я. – ОН не обещал, что шестилапые воспылают к нам горячей любовью, но гарантировал, что в течение двух месяцев атак не будет.

– Кто «ОН»? – громко спросил Пашка.

– Тс-с-с... – я приложил палец к губам, давая пацану понять, что не стоит влезать в разговор старших как по возрасту, так и по званию.

– Давай просто послушаем, – Лиза поняла мой намек и осадила брата.

– Вот это правильно, – похвалил ее Загребельный и тут же вернулся к прерванной теме: – Сегодня кентавры напали уж очень прямолинейно, почти как год назад, когда мы встретились с ними впервые. Это странно, ведь с тех пор они серьезно эволюционировали, многому научились.

– Обкурились наверное, – я отшутился, так как свежих мыслей по этому поводу почему-то не родилось.

– Смешно, – ответил подполковник ФСБ даже не улыбнувшись. – Неужели в этом и заключалась помощь Главного? Погрузить этих тварей в полусонное состояние и дать нам возможность валить их как в тире.

Услышав имя «Главный», Лиза с Пашкой переглянулись, но на этот раз удержались от расспросов.

– Честно говоря, я надеялся что он имел в виду нечто совсем иное, – мне ничего не оставалось, как сокрушенно покачать головой.

– Я тоже, – Леший со злостью сплюнул. – Все-таки сволочь этот Главный. Никому верить нельзя!

В тот самый момент, когда Андрюха произносил эти слова, через порог кухни перешагнул Костя Соколовский.

– Вкусно пахнет, – на его лице заиграла счастливая улыбка. – Вы этим ароматом раненых прямо на ноги подняли. Вон, стоят за стеной, вдыхают будто живительный эликсир.

Услышав эти слова, подполковник ФСБ резко развернулся и глянул в сторону раздаточного окна. Снаружи и впрямь стоял человек. Только к тому моменту, когда на него глянул я, раненый уже повернулся и медленно удалялся прочь. Все, что удалось разглядеть, так это старую солдатскую шинель и перевязанную окровавленным бинтом голову. Бежать за ним и расспрашивать кто такой и что делал около окна казалось глупостью. Что он тут мог делать? Просто голодный, причем настолько, что пришкандыбал сюда в надежде первым получить заветную пайку.

Придя к такому выводу, я слегка успокоился и решил посоветовать Андрюхе сделать тоже самое. Однако, глянув на приятеля, я понял, что мой совет вряд ли подействует. Загребельный сидел хмурый, с плотно сжатыми губами и сдвинутыми бровями.

– Ты чего? – я попробовал его растормошить.

Леший медленно перевел на меня взгляд и негромко произнес:

– У него ранение в голову. Половина лица изувечена и нет левого глаза.

При этих словах я вздрогнул. Это действительно было словно предупреждение, напоминание о прошлом.

Глава 6

Ужинать мы сели в отдельной комнате, которая находилась в глубине убежища. Чтобы добраться сюда из общего зала, предстояло преодолеть метров пятнадцать узкого извилистого коридора с темными, жутковатыми в своем безмолвии и своей бездонности провалами дверей. Это помещение Леший выбрал не случайно. Сегодня он хотел наконец поведать членам группы о наших дальнейших планах, после чего предложить им сделать свой выбор. На всякий случай мы с подполковником решили, что эта информация не должна коснуться чужих ушей. Как говорится, береженного бог бережет.

По периметру небольшой комнаты стояли грубо сколоченные двухъярусные нары, в центре круглый, когда-то полированный стол и четыре стула. Это было именно то помещение, в котором обычно ночевал Крайчек вместе с другими ответственными лицами колонии. Отсюда и столь роскошная меблировка. В других жилых комнатах убежища кроме матрасов, лежащих прямо на полу, вряд ли можно было отыскать что-либо еще.

– Приступить к принятию пищи! – для порядка скомандовал Загребельный.

На него с любопытством покосились восемь человек, которые в этот момент уже доедали свои порции.

– Спасибо, что разрешил, – хмыкнул... нет, скорее зевнул я.

– Порядок есть порядок, – ответил подполковник.

– Хорошо пошло, – смачно отрыгнул Сергей Чаусов. – Что за мясо такое? Раньше никогда не ел.

– Тебе лучше не знать, – я улыбнулся и сделал это специально, чтобы не скривиться.

– Так точно, лучше не знать, – мигом согласился громила морпех.

По его физиономии стало понятно, что Сергею глубоко наплевать чем набивать желудок. Если скомандуют «можно», он будет жрать крестовиков прямо живьем. Замечательное качество для солдата, а для солдата мрачной эпохи постапокалипсиса так вообще – сказка.

Стук ложек по мискам и котелкам постепенно стихал. Его сменило бряцанье кружек. Запивали просто кипятком, наливая его из пузатого закопченного чайника. Горячая жидкость текла по горлу, согревала и расслабляла. Понимая, что еще чуть-чуть и у людей начнут слипаться глаза, я подтолкнул своего соседа плечом:

– Давай, начинай.

– Угу, – Загребельный закинул в рот последнюю ложку каши и принялся спешно запивать ее кипяченной водой.

Именно в этот момент в коридоре отчетливо послышались шаги. Обычные человеческие шаги. Вроде обращать на них внимание или чего доброго опасаться причин не было, однако почему-то все бойцы Красногорского спецназа мигом напряглись. А Соколовский даже потянулся за автоматом.

– Капитан, мы в убежище, – вполголоса напомнил я.

– Да, конечно... – Костя кивнул и убрал руку с оружия.

Все молча ожидали появления гостя. Шаги приближались. Вслушиваясь в них, я стал различать шарканье то ли усталого, то ли больного человека. Больного или раненого? Раненый! Подобно вспышке молнии в мозгу родилось предчувствие. Я был почти уверен, что знаю кто сейчас появится на пороге. Это будет тот человек с изуродованным лицом, одноглазый в окровавленных бинтах. Это судьба! Это просто не может быть никто иной!

– Вижу, вы не спите, – под аккомпанемент знакомого, слегка охрипшего голоса из темноты появился Анатолий Нестеров. – Свет горит... Голоса...

Фух! Я вздохнул с облегчением. Слава богу, никаких сюрпризов.

– Ну, свет, допустим, мы гасить не собираемся, – ответил Костя Соколовский. – И вам не советуем.

– Понятное дело, не будем, – согласился с предложением капитана милиционер. – Как можно, у нас ведь раненые.

– Толя, проходи, садись. Чего в дверях стоять? – я указал на свободную койку.

– Собственно говоря, я не надолго, – Нестеров секунду поколебался, но затем все же вошел и сел. – Пришел для того, чтобы спасибо сказать, – майор мял пальцы на руках и неотрывно глядел в пол перед собой. – Вы нам жизнь спасаете. Без вас бы нам полный каюк.

Майор запнулся. Было понятно, что он собирается с духом перед тем, как сказать что-то важное, хотя и весьма для него болезненное.

– Я понимаю, вас вышвырнули из Одинцово, но...

– Раненные поели? – перебил я милиционера.

– Что? – Нестеров не сразу понял вопрос. – А... да... поели.

– Ну вот и славно, – я поднялся на ноги. – Все остальное чушь собачья. Забудь. Завтра переберемся в Подольск, и все будет просто замечательно.

Анатолий хотел что-то ответить, но я ему не позволил. Остановил жестом руки, одновременно обращаясь к Загребельному:

– Ваша очередь, товарищ лектор.

Леший внимательно поглядел на Нестерова, а затем угостил вопросительным взглядом и меня.

– Хочу, чтобы Толя тоже послушал, – настоятельно потребовал я.

Подполковник продолжал колебаться. Чтобы дать ему время и это не выглядело нажимом с моей стороны, пришлось пойти на маленькую хитрость:

– Дай закурить. У тебя ведь, кажись, еще оставалось?

Леший полез за кисетом, а я, пользуясь моментом, незаметно наступил ему на ногу. Тот вздрогнул и поднял на меня глаза. В ответ пришлось состроить страшную рожу, давай, мол, не выпендривайся.

Свернув самокрутку, я направился к двери.

– Не хочу отравлять легкие двух юных созданий, – объяснил я и поглядел на этих самых созданий. Что-то они неестественно тихо отнеслись к моей шутке.

Причина этой тишины стала ясна с первого взгляда. Лиза с Пашкой спали, прижавшись друг к другу, на одной из коек нижнего яруса. Там же где до этого и ели.

Участников нашего полуночного военного совета стало на двоих меньше. А может оно и к лучшему? Честно говоря, я вовсе не горел желанием тащить детей на Проклятые земли. А так придумаю что-нибудь, попрошу их подождать меня в Подольске.

С души свалился тяжеленный камень. И теперь, облокотившись о дверной косяк, я с наслаждением затягивался горьковатым дымом, ждал, когда Леший начнет.

– Значит так...

Первые слова подполковника были произнесены довольно громко, и Соколовский поймал его за локоть. Костя взглядом указал на спящих Пашку и Лизу, и Загребельный согласно кивнул.

– Значит так, – продолжил он уже значительно тише. – То, что сейчас будет сказано, является истиной правдой и вопросы «откуда мы это знаем?» здесь неуместны. Все поняли?

Леший обвел пристальным взглядом своих бойцов, Блюмера и милиционера. Пятеро из них тут же согласно закивали, а Нестеров неопределенно пожал плечами. Загребельному реакция майора не очень-то понравилось, но Андрюхе пришлось ее проглотить.

– Перед нами стоит непростой вопрос: «Что делать дальше?», – подполковник справился со своим недовольством и продолжил: – Кое-кто скажет, что это не вопрос. Перебраться в

какую-нибудь колонию поужнее, в Чехов или Серпухов, например, и жить там мирно, долго и счастливо. Так?

– Лучше в Домодедово, – буркнул себе под нос Соколовский. Вырвалось это у него совершенно случайно, поэтому капитан, извиняясь, тут же приложил руку к груди.

Все Красногорцы поглядели на Соколовского с пониманием, а у Лешего на лице даже проскользнула легкая тень вины. Я сперва не понял почему, а затем все же догадался. Ни о каком Домодедово, Чехове или Серпухове речь идти не будет. В наши планы входило совершенно иное.

– Короче так... – Леший собрался, чтобы случайно не соскочить с начатой им линии разговора. – О «мирно» и «счастливо» можете забыть. Насчет «долго», тоже очень и очень сомневаюсь.

– Это я так понимаю, товарищ подполковник намекнул, что ситуация все ухудшается и ухудшается, – сделал вывод милиционер. – И от этого, как там в песне поется: «...не спрятаться, не скрыться».

– Совершенно в дырочку, – подтвердил Андрюха.

– И откуда все это известно?

– Я знаю что говорю, – произнес Леший, добавляя в свой голос побольше металла. – Поверьте опыту и чутью старшего офицера ФСБ, которые к тому же основываются на кое-каких сведениях.

– Ты ФСБшник? – удивился милиционер и это удивление, как мне показалось, даже не позволило ему расслышать главное – словосочетание «кое-какие сведения».

– Толя, ты пожалуй единственный из здесь присутствующих, кто этого не знает, – подал голос я, выпуская очередное кольцо дыма.

– Теперь знаю, – Нестеров с иронией хмыкнул себе под нос: – Надо же, угораздило...

Однако в данный момент личное отношение милиционера к Службе Безопасности мало кого интересовало. Все были угрюмы, напряжены и ждали самых скверных новостей. И они не замедлили прозвучать:

– Где-то через два месяца атаки кентавров возобновятся... а может и не только кентавров. Сперва все это начнется здесь, а потом докатится и до юга. Сто процентов. Голову на отсечение даю.

– Мы знаем как бороться с кашалотами. Кентавры больше не смогут захватить наши поселения, – вставил свои пять копеек Сергей Блюмер, правда сделал он это очень робко.

– Молодец, сообразил! – по-отечески похвалил его Леший. – Хорошо, пусть даже мы надежно укроемся за стенами. Только теперь подумай и скажи, как людям, живущим за счет собирательства и охоты, выдержать длительную осаду. Может мяско радиоактивное по вечерам собирать?

Блюмер тут же втянул голову в плечи и умолк. Мне показалось, что после такого наезда у него пропало всякое желание высываться. А вот старого битого милиционера смутить оказалось гораздо сложнее:

– Я так понимаю, подполковник, ты нам собираешься что-то предложить?

– Вообще-то это предложение касалось только моих людей, – Загребельный испытывающе сверлил взглядом Анатолия. – Но твое, майор, мнение нам тоже интересно.

– Буду рад помочь.

Нестеров иронично улыбнулся и тут же поглядел на меня. Старый лис сразу же смекнул, что это «нам» относится не ко всем присутствующим, а конкретно ко мне и Лешему. Так оно и было. Загребельный даже не подумал это скрывать. Наоборот, он тут же передал инициативу в мои руки.

– Начнет пожалуй полковник Ветров. Эта история как раз по его части.

Теперь уже не только Нестеров, но и Блюмер, и все Красногорцы уставились на меня. Что ж, нечего тянуть. Вступительной части не требовалось, поэтому я тут же начал с главного:

– Сомнений нет, мы проигрываем. Договориться с противником невозможно. Отступление это лишь временная мера. Так что остается лишь один-единственный выход: отыскать новые средства борьбы, новое оружие. Тогда мы будем уничтожать кентавров прямо на выходах из туннелей, а затем затыкать и сами порталы.

Произнеся заранее подготовленную и отрепетированную речь, я вдруг подумал о том, как она сочетается с наставлениями Главного: «разум, человечность, любовь, доброта...». Честно говоря, особой связи пока не обнаруживалось. Может дальше что-либо выплывет? К примеру, буду мочить этих гадов из какого-нибудь лучемета и рыдать от горя, любви, человечности и доброты. И еще... Главный оставил на Земле не простые транспортные модули, а именно боевые платформы, тобишь летательные аппараты с мощным вооружением. А это ведь неспроста. Это ведь должно что-то означать.

Такие рассуждения добавили уверенности. Мне даже стало казаться, что мы на верном пути, что я понял сделанный нам намек.

– Какие еще туннели? – Нестеров перебил все мои мысли.

Ах да, Анатолий ведь ни сном ни духом! Он не в курсе, что кентавры попадают к нам через дыры в пространстве... Ладно, я потом ему объясню. Не пересказывать же на ночь глядя всю эту длинную историю.

– Потом, Толя, расскажу потом, – я поспешил озвучить свои мысли. – Сейчас главный вопрос это оружие.

– И где его взять? – как-то хмуро, через силу что ли, выдавил из себя Соколовский.

– В Белоруссии, где-то под Могилевом, спрятаны две боевые платформы ханхов... – начал было я.

– Ага, знаю, – зевнул милиционер.

– Откуда? – сразу среагировал подполковник ФСБ.

– Эта байка гуляла по Одинцово почти целый месяц, – Анатолий очень медленно, устало пожал плечами. – Ума не приложу, кому в голову пришло сочинить такую чушь?

Я сделал вид, что не расслышал слов милиционера... или даже не так, притворился, что их вообще не было. А посему продолжил в прежнем тоне:

– Предлагаю добраться туда, поднять платформы в воздух и перегнать их в наши края.

– Звучит заманчиво, – Соколовский говорил тихо и задумчиво, тупо уставившись в пустоту. – Только до Могилева еще нужно дойти. Потом разобраться с устройством и управлением платформ. А затем не мешало бы не угробиться на обратном пути. Получается, что шансы практически равны нулю.

– Другого выхода просто нет! – я отшвырнул давно уже погасший окурок, который все это время мусолил в руках, и тяжелым, усталым шагом вышел на середину комнаты. – Итак мы с подполковником Загребельным решили смотаться в Белоруссию. Дело это сложное и, не буду скрывать, опасное. Вдвоем нам его не осилить. Так что потребуется команда. Приказывать мы никому не хотим. БТР в состоянии взять десять человек. Двое, как вы понимаете, уже есть. Может, кто из вас и пожелает составить нам компанию...

– Я с тобой! – звонкий девичий голос прозвучал как эхо от моих слов, и Лиза тут же села на койке.

– Я тоже! – поддержал сестру Пашка, подымаясь рядом с сестрой.

– Цирк-зоопарк, вы же спали! – само собой вырвалось у меня.

– Не спали, а делали вид, что спим, – сознался пацан.

– Павел, какого черта... – я сурово сдвинул брови.

– Лизка сказала, что вы нас вышвырнете за дверь, если серьезный разговор начнется. А так мы сможем остаться и все услышать.

– Ну и умная у тебя сестра! – похвалил Лизу Соколовский.

Окружающие поддержали капитана улыбками и дружными кивками, во время которых испытывающе поглядывали на меня. Ждали, подлецы, что же такого я отвечу. Интересно им, видите ли. Ох, человеки-человеки... хлебом не корми, дай сунуть нос в чужие дела. Я, конечно же, не дал:

– Заявления принимаются начиная с завтрашнего утра. Подумайте. Хорошенько все взвесьте. Шагнем за границу Проклятых земель, назад дороги уже не будет.

Упоминание о запретных территориях подействовало на всех удручающе. Даже те скупые улыбки, которые все еще задержались на губах, вмиг исчезли. Проклятые земли они ведь потому и называются проклятыми, что обычным живым людям там не место. Это царство страха и смерти.

– А теперь всем спать! – Загребельный закрыл собрание. – Идти с нами или не идти, без разницы что вы выберете, но день завтра будет нелегкий.

– А когда они бывали легкие-то? – пробурчал Клюев, растягиваясь на койке около самого входа.

Все остальные тоже стали располагаться на ночлег. Ранее ни я, ни Леший не планировали ночевать именно в этой комнате. Но раз уж оказались здесь, нагрели ее теплом своих тел и своего дыхания, какого черта искать что-либо иное, тем более что коек здесь оказалось предостаточно.

– Поспим сегодня как белые люди, на кроватях, – с вожделием высказался Сергей Чаусов и сладко зевнул.

– Смотри, занозу в мягкое место не загни, – Мурат стукнул носком ботинка по доскам, из которых была сделана доставшаяся ему лежанка. – У нас из такого дерева даже загоны для баранов не строили. Оно прямиком в печку шло.

– Не нравится, спи на полу, – буркнул Клюев.

Примерно в таком же «конструктивном» ключе протекали и все прочие разговоры усталых, измученных тяжелым трудом людей.

– Пойду, пожалуй, – Анатолий Нестеров уперся руками в колени, готовясь подняться с койки.

– Погоди!

Я взял в руки коптилку, подковылял к нему и сел рядом. Поставив светильник у наших ног, негромко заговорил:

– Спросить хочу.

– Спрашивай, – милиционер обессилено облокотился о стойку второго яруса.

– В ту ночь... Я имею в виду, когда мы пробивались к поселку...

– Угу, – майор слабо кивнул, давая понять, что он понимает о каком событии идет речь.

– Мы выскочили из погрузчика и на нас тут же накиннулись призраки... Помнишь?

– Кое-что помню, – Нестеров закрыл глаза.

Он очень хотел спать. Я понимал, что мучаю усталого немолодого человека, но тем не менее мне необходимо было знать... Видел или не видел? Помнит или нет? Нестеров был мне глубоко симпатичен, на него можно было положиться. Так что если майор вспомнит Главного, нам сразу найдется о чем поговорить. Анатолию будет легче все объяснить, легче во все поверить. Когда он узнает всю правду, у нас с Лешим появится еще один союзник. Я верил в это. А может даже повезет, и Нестеров изъявит желание отправиться с нами. Его знания и опыт в экспедиции ох как быгодились!

– Толя, а то как мы спаслись... ты...

Я глянул в лицо милиционеру и понял, что тот меня уже не слышит. Он глубоко и спокойно дышал, сопровождая каждый выдох негромким сипением, которое вот-вот грозило перерасти в настоящий храп.

– Хорошо поговорили, – с досадой протянул я. Затем ухватил Анатолия за плечи и стал медленно опускать его на койку.

– Пойду я... – пробормотал тот так и не открыв глаза.

– Куда ж ты пойдешь? – проворчал я. – Спи уже здесь.

Я позволил милиционеру плавно повалиться на бок, сунул ему под голову какую-то грязную, похоже набитую ветошью подушку, а затем закинул на кровать его ноги.

– Спи.

Напоследок я еще раз оглядел плоды своих стараний, поднял с пола коптилку и поплелся в сторону свободной койки нижнего яруса. По приказу Лешего ее оставили свободной персонально для меня.

Когда я уже собирался опуститься на матрас, прямо возле моего уха послышался шепот:

– Максим, наконец, ты пришел.

Подняв глаза, я увидел перед собой лицо Лизы. Оказывается она заняла койку прямо над моей и до сих пор не спала. Девушка ждала моего прихода.

Я протянул руку и запустил пальцы в ее густые каштановые волосы. Лиза потерлась о мою ладонь, как трется домашняя ласковая кошка.

– Хочешь, я спущусь к тебе? – прошептала она, и я заметил как у моей подруги блестят глаза. Голодный такой блеск молодой волчицы.

Возбуждение девушки передалось мне. Я не касался женщины уже месяца полтора, да и те что у меня были не шли ни в какое сравнение с Лизой, и по возрасту, и по привлекательности, а главное по чувствам. Может именно благодаря им – чувствам, мне и удалось обуздать вставшие на дыбы гормоны, запустить мозг. Все это должно произойти совершенно не так. Мы должны заниматься любовью, а не сексом. Горячее дыхание, стоны Лизы должны принадлежать мне и только мне. Я не желаю делиться ими еще с десятком посторонних людей.

– Пойдем, – я потянул девушку к себе и буквально сдернул ее с койки. И откуда только силы взялись?

Но как бы мне этого не хотелось, нести Лизу я все же не смог. Резкая боль в боку заставила задрожать и заскрипеть зубами.

– Я тебя опущу, малышка, – очень тихо произнес я.

– Конечно, – девушка сразу все поняла. – Тебе больно? Прости, я не подумала...

– Что ты... Ничего страшного... Уже все прошло.

– Может не сейчас...? – Лиза словно опомнилась.

Какой там «не сейчас»?! Меня уже трясло как от лихорадки, а джинсы были готовы вот-вот лопнуть от давления в районе ширинки. В такие мгновения не отступают, в такие мгновения неудержимо несутся вперед.

Вперед... Куда вперед? Не смотря на пылающий во всем теле дикий огонь желания, у меня все же хватило мозгов, чтобы задать себе этот вопрос. В другую комнату? В точно такой же гадюшник, насквозь пропитанный запахом сырости, плесени и человеческого пота? Прижимать нежное тело Лизы к грязным, смердящим матрасам? Нет, она достойна лучшего. Мы достойны лучшего!

– Иди за мной.

Я ждал своей пылающей рукой не менее горячую и влажную ладонь девушки и потянул ее за собой. И Лиза пошла, покорно и не раздумывая. Я понял, она пойдет со мной куда угодно, она сделает все, что я потребую, она полностью в моей власти. От этих мыслей я завелся еще сильнее. Благодарю тебя, судьба! Ты сделала мне воистину королевский подарок!

Я потащил Лизу по коридору. Впереди колебалось желтоватое свечение общего зала. Конечно же, мы направлялись не туда. Мы только пройдем через него и доберемся до входного тамбура. Там есть маленькая дверка, и ведет она в примитивную бойлерную. В поселке использовали только кипяченую воду, и грелась она именно в этой комнатухе.

Я разведу огонь, и у нас с Лизой будут свет и вода. Много-много теплой, чистой как слеза воды. Я омою тело девушки, а потом, покрывая его поцелуями, буду вдыхать дурманящий аромат ее кожи. Сладостные видения нахлынули, и я задышал часто и шумно, как паровоз, внутри которого вовсю пылала раскаленная топка.

В зале на нас никто не обратил внимания. Мы прошмыгнули у самой стены, оставшись вне поля зрения большинства находящихся там людей, половина которых к тому же уже спала. Вот и славно. Мы не мешаем им, а они не должны мешать нам. И все будут довольны.

Однако, в тот самый момент, когда мы с Лизой уже готовились юркнуть в тамбур, я почувствовал чей-то взгляд. В затылок будто ударил ледяной порыв ветра, от которого по телу поползли мелкие противные мурашки.

Резким рывком я обернулся и пристально оглядел тускло освещенное помещение. Вроде все как и раньше. Ничего такого... необычного. В нашу сторону по-прежнему никто не смотрел. Цирк-зоопарк, должно быть просто померещилось.

Как бы там ни было, но это происшествие, или вернее сказать наваждение, оставило на мне свой отпечаток. Черт бы его побрал! Да, я по-прежнему хотел Лизу, но только вот желание это слегка трансформировалось. Если раньше на свою подругу должен был наброситься голодный, ни в чем не ведающий страха лев, то теперь к спариванию готовился хищник поменьше и послабее, вынужденный прислушиваться к каждому шороху окружающих джунглей.

Слава богу, в джунглях пока было все тихо. Где-то вдаль слышался приглушенный человеческий голос, где-то тихий, вырвавшийся во сне стон, где-то капала вода, где-то потрескивало попавшее в огонь масло. Все это были сугубо мирные звуки, которые скорее успокаивали, чем вселяли тревогу. И я действительно расслабился.

Уже через несколько секунд мы оказались перед дверью бойлерной. Я подмигнул своей подруге и рванул ручку на себя. Добротная деревянная дверь дернулась, стукнула, но не открылась.

– Что за цирк-зоопарк! – прошипел я и, нагнувшись, пригляделся к дверному косяку.

Сантиметров на двадцать ниже ручки красовался небольшой висячий замок. Повесили его, судя по всему, совсем недавно, причем сделали это скорее для порядка, чем для сохранности находящихся внутри дров, труб, вентилях и железных емкостей с водой. Два стальных кольца, одно из которых было вделано в дверной косяк, а другое в саму дверь, мог выдернуть кто угодно. Не руками, конечно. А вот засунуть под замок какой-нибудь металлический прут и надавить как следует... Кольца вылетят как миленькие.

– Нестеров... – Лиза взглядом указала на замок и назвала автора сего усовершенствования.

– Как пить дать он, – согласился я. – Вот старый...

– Тогда пойдем поищем другое место, – Лиза одной рукой уцепилась за пояс моих джинсов, а второй как бы невзначай провела по вздувшейся ширинке.

Лучше бы она этого не делала. Тогда бы может и ушли. А так... Видение горячего костра и струй воды, текущих по ее обнаженному телу заставило меня действовать. Какого хрена я должен отказываться от этого наслаждения, от этой красоты?!

Я тут же стал оглядываться по сторонам. Искал то, что могло бы стать рычагом, фомкой, с помощью которой можно вырвать этот проклятый замок. Первое, что попало на глаза, была конечно же баррикада, воздвигнутая Соколовским и его людьми. Красногорцы разобрали одну из внутренних перегородок и добытым из него кирпичом завалили входную дверь. Чтобы построенный штабель был как можно устойчивее и устоял против натиска извне, капитан приказал поставить распорки. Три длинные обеденные стола, взятые из общего зала, подошли как нельзя лучше. Одной своей стороной они уперлись в штабель, а другой в мощный простенок, который находился напротив входа. Что ж, нормальная идея!

Когда я заметил, что два стола имеют тонкие, сваренные из квадратного профиля ножки, мне эта идея понравилась вдвойне. Вот где можно раздобыть необходимый мне инструмент!

– Подожди минутку. Сейчас все устроим, – я чмокнул девушку и плавно высвободился из ее объятий.

Работа действительно казалась пустяковой. Главное без особого шума оторвать необходимую железяку, а то еще чего доброго подумают, что это баррикада трещит под натиском какого-то монстра, который рвется снаружи. Я улыбнулся, представив какой может начаться переполох и поудобней ухватился за стальную ножку крайнего стола, затем поднапрягся и потянул. Именно в этот момент мне и показалось, что массивный кирпичный штабель слегка покачнулся.

Вообще-то чисто теоретически, в густом полумраке тамбура я не мог этого заметить. Сейчас здесь были различимы лишь крупные предметы. Ну, а чтобы разглядеть колебание стен... Я вновь почувствовал, что штабель содрогнулся. Это был удар, причем абсолютно беззвучный. Складывалось впечатление, что само пространство в этом месте изогнулось, и все предметы, находящиеся в нем, будь то толстая железная дверь или тонна силикатного кирпича, пришли в движение.

Ошарашенный всем происходящим, я замер. Цирк-зоопарк, да что тут творится в самом-то деле? Явь или галлюцинация? Видела ли все это Лиза? Я уже начал поворачивать к ней голову, когда рядом со мной в темноте вспыхнула яркая зеленая точка. Она тут же создала вокруг себя зеленую светящуюся окружность, которая стала быстро увеличиваться. Распухнув до размера чайной сушки, свечение вдруг пропало, не оставив после себя и следа.

В этом огоньке, в порожденной им световой волне было что-то знакомое, виденное совсем недавно. Пытаясь вспомнить, я стоял неподвижно, глядел в ту точку, где только что сияла маленькая зеленая мишень. Я не верил, что она вновь зажжется, я просто соображал, пытался изловить то и дело ускользающее воспоминание. Но тут произошло неожиданное. Огонек вспыхнул вновь, и все повторилось: тот же зеленый круг и в том же месте.

На этот раз я среагировал моментально. Протянул руку и накрыл еще не успевшую погаснуть зеленую окружность. Пальцы прикоснулись к гладкой полированной поверхности. Ощупав ее, я обнаружил толстую прямоугольную пластину, прикрепленную прямо к кирпичному перестенку точно напротив входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.